

Из дневника 1950–1951 годов

Р. Г. Назиров

28 декабря. . . школы Миронова в чёрном платье с роскошным белым жабо на груди. Она ласково нам что-то запрещает; мы притворяемся, что приняли запрет насчет кошечки и спускаем её на насиженное место, а сами дерзаем проникнуть на второй этаж, в коридор. Миронова опять приказывает нам вернуться. Надев маску «Как вам это понравится», — мы возвращаемся на площадку; я вознаграждаю себя тем, что сажаю котёнка на плечо. В этот момент трое девочек выходят на лестницу; одна из них, в красном платье с полосами, Эльвира Берлявская, произносит насмешливым тоном: «Маленький, с кошечкой. . .» Глупенькая! Её насмешка — целительный бальзам для моего сердца. О, сударыня, вы меня отнюдь не презираете! После сорокадвухдневного перерыва она первая со мной заговорила. Но счастья не бывает полного; она ушла в этот вечер рано, и её провожали. Она прошла мимо меня, насмешливо и неопределенно улыбаясь свежими губками, сменив белые туфельки на серые валеночки. Я оделся и вышел следом. Они шли по улице Гоголя, и я их нагонял. Четыре фигуры виднелись впереди: там была и она. Но под каким предлогом догнать? Глупо и невежливо. Я повернул назад.

Вчера она была на вечере у нас. Я внимательно, пристально и в то же время незаметно изучал её. Теперь я прекрасно помню её лицо, четыре раза изучал я её. Она — совершенна и знает это. Отсюда и гордость; девочки завидуют её красоте и ненавидят её надменность. Она демонстративно, подчеркнуто не желала меня видеть. Bravo! Это хорошо. Демонстрация? значит, она желает меня уколоть, уязвить, т.е. внутренне, бессознательно уважает. *Bardzo dobrze!*

Вчера Юра принялся осуществлять интригу. Он начал с ней разговор во время танца, потом продолжил его, сидя рядом с ней у стены, еще раз во время танца. Оказалось, ей передали мои речи в совершенно ис. . . т.д. Юра разъяснил ей, что я рассказал всё благороднейшим образом, вдобавок со слов Нарика Асмерова. Она заявила, что Нарик солгал, что она о нём слышала только плохое (ещё Феликс говорил ей, затем др[угие]. ребята), а про меня, кажется, хорошее: историк, умный мальчик etc. Скоро она ушла; одеваясь, она спросила Юру: «Ты идёшь?» Он хотел ещё потанцевать и упустил случай, о чём сам вскоре страшно жалел. Сегодня, сейчас, когда я пишу эти строчки (уже вечер, он катается на катке стадиона «Динамо»). Она там. Он убеждал меня прийти — ради продолжения интриги — на каток. «Й о к, н е х о ч у». Я не умею бегать на коньках. . . Чорта ли я там буду делать?

Что я умею: говорить, читать, писать. Всё? Осмелюсь добавить: любить, дружить и ненавидеть. Добавьте огромное самомнение — и вот моя нравственная физиономия готова.

29 декабря. Скорее бы новогодние вечера. Я сгораю от нетерпения. Кажется, на каникулы приедет Феликс с. Только почему он не пишет? Сегодня уже пятница, прошло 8 дней, как я ему написал сумасшедшее письмо, которое надо сжечь. Попрошу его сжечь. Чорта ли он не пишет? Меня это беспокоит. У него недостаточно сильный характер, увы, да.

Я пришёл к выводу: Эльвира — нехорошая девочка, но я этого дела не брошу.

Во мне два человека, которые непрерывно враждуют между собой и у которых есть только одна, очень воздушная связь: мечта.

1951 год

2 января 1951 н.э. 2-й день 2-й половины 20-го века. В Риме закончился *santo anno* (ю б и л е й).

«Спи, мой бэби, кудрявый, чёрный бэби...» — Вот что всплывает в моей голове, когда я берусь за перо, чтобы описать бурные новогодние праздники.

Начну сначала, как говорят французы. 30 декабря прошлого года мы уже не учились, ...

5 апреля. Учусь. Весна сильно влияет на настроение. Подумываю о воспитании воли.

Сильно тоскую по Эльвирке. Я в нее по-настоящему влюблен, хотя она порядочная дрянь. Я чувствую в ней алмаз, покрытый толстым слоем навоза. У нее серединка хорошая. Она мне кажется умной: инстинкт редко меня обманывает, чувствую в ней душу. Я должен уважать чужие принципы. Ведь я не знаю её характера. Быть может, она не так уж и плоха?

Не скоро её увижу, но действовать начну скоро. На ближайшем вечере я познакомлюсь с Ж. Гетнер, хорошенькой полячкой, и тогда из всех «цариц» останется со мной незнакома лишь Elvirette Berlavska. Ô, ma deesse! Je vous aime pour la vie, l'amour me tuera! Ah, ça ira, ça ira... Ça ira! Дело пойдёт. Да, когда из львиц, 45-й я лишь её одну не буду знать, тогда естественно будет искать с ней сближения. Но не стоит делать этого. Я просто окружу её знакомствами. Нужно познакомиться с Эммой Мельниковой (Эльвирка сидит с Эммой).

Муза, Женька Гетнер, Галя Козьминых, «звезда гарема» — Валя Ищенко — почувствует, наконец, Эльвирка, что я ею пренебрегаю? Неужели моя особа совсем ею незамечена? Не может быть! Последнее время, я усиленно бросался ей в глаза, учился танцевать. Сыграю на ее любопытстве — «что-де за новый тип». Новые люди всех их интересуют — и Галю даже я заинтересовал. Галя уже пробовала на мне свои чары, только не ей меня воспламенить. Я ведь не Саша Панкин, к[ото]рого она довела до белого накала, он был в нее мощно втрескан.

Скорее бы вечер!

6 апреля. Письмо от Феликса.

«Ромек, здравствуй!

Второй день, как я халтурую, что-то с рукой творится дрянное. Помнишь, Ромка, я тебе писал, что на тренировке как-то вывихнул себе руку. Лечим ее лечим, да что-то эскулапы, паскуды иху туды (фи! какая непристойная ругань!), мне не так смастрячили: рука страшно болит. В школу пока запрещено ходить под страхом смерти

И вот, сейчас, когда “скромные” юноши, подобные тебе, все свои силы отдают науке, я, топ шер, пишу тебе письмо. На дворе просто чудо, а не погода. Весна, весна, пора любви! Ах!

Мы уже открыли окна и балкон, и я восседаю у открытого балкона. Ветерочек эдакий, солнышко, птишечки! Идиллия!

Ромка! Начинаю письмо опять с просьбы. Но сейчас у меня просьба к тебе довольно таки важнецкая. Итак, излагаю суть дела. Помнишь, я выиграл на пари в Галькой К. фотокарточку. Я ее оставил у Эльки Будаевой. Мне просто захотелось иметь эту фотокарточку. Не делай удивленное лицо, и не думай, что я на старости лет влюбился в Гальку. Далеко нет: Галька далека от моего идеала. Дело, конечно, сложное, но вполне законное: фотокарточка принадлежит мне. Но самое главное, Ромка, то, чтобы никто, совершенно никто не знал, что Галькина фотокарточка контрабандой будет переправлена мне. Кроме тебя, Эльки, меня — никто. Я тебе не предлагаю план этого “задания”: все зависит от обстоятельств. Но приступай за выполнение этой интриги, как получишь от меня письмо. Делай, Ромка, мудро, чтоб ни один бес не подкопался.

Знаешь, Ромач, я пришел к выводу, что Галька далеко не так уж и плоха. И знаешь, почему? Она еще никого из ребят не подпускала к себе близко, несмотря на то, что “дает прикурить” с 7-го класса. Ее до искушения не так легко довести. Кремень-девчурка. А вообще, бес ее знает, может она баба.

О Майке Захариной, топ шер, у Шарика ни хрена не выйдет: эта зеленоглазая — бестия, а не девчонка. Притом, раньше она была агашкой Кимки Садыкова.

Ромка, у меня к тебе “мудрейший” совет: брось ходить в 3-ю на вечера. В этом монастыре нет ни одной порядочной девчонки, кроме Захариной и Ритки Григорьевой. Да, Ромка, Ритку Григорьеву знаешь? По-моему она неплохая девушка. Я, правда официально с ней не знаком, но немного её знаю. Кажется, она меня тоже знает. Если с ней не знаком, то обязательно познакомься. И напиши, конечно, о ней. Между прочим, в 3-ей школе раньше было две Ритки Григорьевы.

Ромка, у меня с Эльвиркой есть небольшие счеты. Поможет аллах, я ей летом кое- что припомню. Я сейчас жалею, что сразу порвал с ней. Не надо было мне так спешить. Придётся восстанавли-

вать по-тихоньку с ней связь. Трудно при моём теперешнем положении... Не так давно, Роман, получил письмо от Нэльки. Рассыпалась в извинениях за то, что долго подвергала меня мукам ревности. Письмецо довольно-таки нежненькое. Может быть, даже она мне писала искренне, но я ей не поверил. Ответил довольно сухо. Наверное, не ответит.

Кончаю писать. Передавай от меня привет по своему усмотрению.

Твой Феликс.

P. S : Про Рэнку расскажу тебе, когда приеду в Уфу.

До свидания.

3 апреля 1951 года.

Скоро конец учебе!

Весна! Кровь играет в кровеносных сосудах (начало нового романа)».

9 апреля. Понедельник. Позавчера ответил Феликсу. Сегодня звонил Гале Козьминых, передал ей привет от Фельки.

Но - главное.

Вилорик Замятин болен, я навестил его и позвонил с его телефона Эльвире. Она взяла трубку сразу: мой голос от волнения сделался густым, басовитым

— «Вам привет от Феликса Чернухи.» — «Спасибо, передавайте ему тоже» — «Хорошо». И я замолчал, лихорадочно думая, о чём бы заговорить. Недостаток опыта меня губит: она с бряком положила трубку.

Как давно я с ней не говорил! Хочется положить конец всему этому, познакомиться с ней, сблизиться...

Как?

Время идет. Счастье уползает.

12 апреля. Четверг. В воскресенье вечер у сорокопяток. Вчера я долго (четыре часа) гулял и разговаривал с Гебой. Близость с ним очень много мне даёт.

Подруга Эльвиры — Ляля Еникеева. Запомним. Геба рассказал мне, что последний «amant» Эльвиры Б. — Сашка Руденко из Авиаинститута. Сильно увлеченный ею, он дождался того, что она в конце концов сказала ему: «Что ты мне мешаешься?» Да, урок влюблённым: никогда не открывайте девушке всё, что творится в вашем сердце. Девушка никогда не любит так, как юноша.

У Э. Б. есть два альбома: один из них она не показывает даже девочкам — в нём за одной открыткой скрывается фотография: на песочке пляжа лежит Эльвира в узеньком лифчике и легоатлетич. трусиках, оставляющих открытым почти все тело. На голом животе Эльвиры — голова ее первого аманта. Ей было тогда 15 лет, она училась в 8 классе. Это было её первое опьянение любовью. Чорт её знает, а вдруг она женщина?

Теперь она стала гораздо осторожнее и благоразумнее, но я не могу себя заставить её уважать. Отныне я вижу в ней только самку.

Я ещё расследую её поглубже, а там, может быть, и брошу...

Макартур смещён президентом США: очевидно, за то, что не одолел Корею.

Химические бомбы, бомбы замедленного действия, напалм, эпидемии — проводник американской цивилизации в Корею.

15 апреля. Воскресенье. Письмо от Феликса.

«10 апреля, вторник, Ульяновск, 1951 год.

Bonjour, Роман!

К сожалению, моему завидному домашнему положению пришёл конец. Сегодня я выбрал время, что написать тебе немного. Не думай, что я занимаюсь повторением. К счастью, нет, нам просто много дают учить.

Представь себе, Ромка, я тоже тоскую. Ничего не поделаешь: весна. Я каждую весну мандражирую, эту — особенно. Скорее лето бы пришло. Несколько слов о фото. Самое главное. Галька не должна никаким образом знать, что фото пересылается мне. Мне хочется летом при помощи этой фотокарточки проверить какую-нибудь интригу. Правда, в голове сейчас ничего определённого нет, но к лету, может быть с тобой вместе чего-нибудь придумаем. Ага! Давай, Ромка, пошуруй мозгами: авось.

Пишу о Рите Григорьевой и о третьей школе. Ты пишешь, что ты нелогичен. Опровержение: быть знакомым с одной девчонкой из женского монастыря — это еще не значит ходить в 3-ю на вечера. Такие девчата, как Майка и Ритка Г., редкие исключения в 3-й школе. Теперь о твоём “милом” Юри Пацке. Я к нему питаю какую-то антипатию. Иногда он бывает хорош, иногда я просто не могу на него спокойно смотреть. Мой совет: не впутывай Юрку в это дело: меньше шансов на победу, т.к. Эльвирка, по-моему, таких ребят, как Юрка, не особенно уважает.

Ромка, в том письме ты меня не так понял: если я немного написал о Гальке, то это еще не значит, что я уже её поклонник. Мне просто до смерти надоело искать настоящую подругу. Поэтому я бросаю искать хорошую девчонку, по-моему, её вообще нет. Помнишь, я тебе писал, что становлюсь женоненавистником. Это, конечно, неверно. Просто Рэнка мне на несколько месяцев отбила охоту заниматься амурами.

Ромка, знаешь кто-такая Гренада. В прошлом году Стась Коростелин буквально жить без нее не мог. Жалко, что одним красивым лицом стало меньше.

Да! Об Эльвирке Не знаю, как с ней связаться! Дело, конечно не очень лёгкое. Писать ей письмо? Не очень оригинальный путь к установлению мира. Не знаю с чего начинать. Посоветуй сам. Ты к ней сейчас

ближе, поэтому тебе легче, найти путь к восстановлению мира.

То, что ты стал в тысячу раз развратнее, чем в прошлом году, было мне давно известно. Посмотрим, что станет с тобой к концу 10-го класса. Уйди, пока не поздно, из этого мира пороков и разврата. Позабудь о всех этих Гальках, Эльках, Женьках. Да! О Женечке (кстати, она моя “кузина”).

В новый год я поспорил с Валькой о том, что моя кузина не будет дружить с Игорем Кузнецовым. Пари — 300 грамм белой. Боюсь, что Валька потеряет свои 300 грамм (он мне итак уже проспорил 100 грамм). Напиши Ромка, немножко о Женечке. Ромка, Гюго был прав: пожалуй, нет неложных ласк. Я, например, еще не встречал, хотя тешу себя надеждой, что, может быть, встречу неложные ласки.

А насчет того, что девочки оживляют нашу жизнь, ты, как всегда, прав.

Кончаю, топ cher. Пиши всё, что интересно и доставай у Эльки фотокарточку.

Твой Ферт/есть/люди/иже/како/слово.

Гон! Закрываю конверт.

Передай привет!»

Сегодня, кажется вечер в 45-й школе. Ничего определённого. Схожу. Хорошо бы лично передать ей привет от Фельки, непосредственно, без телефона. Давно я её не видел.

17 апреля. Вечера в воскресенье не было. Видел Эльвиру мельком, вчера после уроков. Хлопочу с делом о фотокарточке, проникал в девчатий «beau monde». Письмо от Фельки (срочно-экстренно, всё по тому же делу).

«Здравствуй, Ромка!

Отвечаю немедленно.

Любым способом достань фотокарточку, даже если об это узнает Галька.

Валька Егоров — большой подлец. Поэтому ни слова об этом. Пошли его со всеми распросами к чертовой матери.

Вовке о фото можешь сказать.

Но остальным ни гу-гу.

Жду ответ с фотокарточкой, конечно.

Твой Феликс.

Р. С. Эльвирка, конечно, знала, что передавал привет именно ты: у неё чудная память на голоса».

Вечером. Дело сделал, письмо уже летит к Фельке, а в нем карточка Гали. Отлично! Галька по закону кокетства выразила мне недовольство, но поздно: карточка уже в пути. Женька неимоверно дерёт передо мной нос, за что весьма поплатится. Эльку Будаеву я постепенно и неотвратимо втягиваю под своё влияние. Fr é s bien! Живём!

Три красивейшие девочки 45-й школы: Эльвира, Галя, Женя. Одна уже в сфере моей досягаемости. Женю нужно взнуздать. Геба говорит, что она меня побаивается (я слишком много о ней знаю).

Вечер (на спортивную тему) в субботу после уроков. Бевик умер 14 апреля. Жаль, что не дожил до верёвки. Очень жаль

19 апреля. Четверг. В Корее фронт 5 – 15 км от 38° с.ш. К северу от 38 параллели. Корейцы и китайцы дерутся, неплохо. У них всё прибавляется машин, орудий, крупнокалиберных миномётов, особенно авиации. Авиация Кореи действует успешно: недавно потопили эсминец. «Голос Америки» рассказывал, что в Корее сбили маленький русский реактивный истребитель («п ч ё л к а»), чрезвычайно быстроходный; когда стали разбирать его с целью изучения, он взорвался. Упоминали советскую «Лётную крепость» «Ту-4» (Туполев), признали, что по некоторым качествам превосходит «В-29».

Любопытный факт. Наш камчатский краб в виду его дороговизны экспортировался в Штаты до самого последнего времени. Недавно янки закрыли и это: ввоз этих консервов в США запрещен, якобы из-за низкого качества. Большой запас готовой продукции выпущен на внутренний рынок, без всякого изменения «тары»: маленькие коробочки, круглые, из желтой жести, Packed by floating canneries of fish industry of the USSR for vsesojuznoje objedinenije «Export — khleb» Moscow.

По поводу изгнания камчатского краба «Правда» поместила фельетон Заславского.

Вечером. Сегодня, незадолго до школы, идучи к Виллорю Замятину, нашему больному комсоргу, несу ему исторический роман Крашевского почитать, иду по солнечной стороне улицы Гоголя, где она всегда ходит. Фортуна ко мне благосклонный взгляд «обратила». Я узнал Эльвиру издали; как только увидел её белый воротничок, у меня сердце ёкнуло. Подхожу — так и есть! Я впился ей в лицо внимательным, острым, равнодушным и презрительным взглядом, губы мои были плотно сжаты, ни один мускул лица не дрогнул, я не оглянулся, не замедлил шаги. Я был весь гордость и презрение — а сердце остановилось, мысль замерла, горло сжалось, я так любил её лицо в этот миг. Когда я отошёл достаточно далеко, у меня вдруг стало жарко в груди, я перевёл дух и успокоился. . .

Как она хороша! У меня улучшается настроение, повышается оптимистическая вера в человека, я готов простить ей все её прегрешения (если она — девочка).

Чорт возьми! Ведь она человек, т.е. в ней очень много хорошего. Может быть, она стоит всё же любви? Ах боже, ты мой, сердце просит. Я уверен, что когда увижу всю тщету любовных усилий, разум осилит чувство. Но девчонки уважают и ценят людей, в которых силён ум, к[ото]рые вечно хранят свое достоинство и не роняют его ряды девочки. Я удержусь на лезвии ножа. Девочек пока не брошу. Они очень ожив-

ляют мою жизнь.

21 апреля. Сегодня в 8 ч. вечера — спортивный вечер в 45-й школе. Нужно познакомиться с Женькой и заговорить с Эльвиркой. Необходимо предупредить Гебу.

23 апреля. Вечер был, но я там не был, себя, дурня, проклиная. Эльвирка там была. Чорт меня возьми! Дурак я некрещённый. Вчера получил письмо от Феликса, вскрыл его в пол-первого, придя домой после вечерней прогулки с Гебой.

«Salut, Ромка!

Да благословит тебя Божье за деяния твои! Хвала тебе!

Пишу тебе, si ñ or, в четверг, апреле 19-го дня, 1951 года, etc. За фотокарточку, конечно, приношу, o si ñ or, благодарность.

Знаешь, мне кажется, что лучше было бы потребовать от Гальки за выигранную американку другое: поцелуй. Как ты думаешь? Это, пожалуй, было бы почище фотокарточки. В следующий раз такую возможность не упущу. “Все смешалось в доме Облонских”. В Уфе — тоже. Но я, тои вопне атие, не верю, как хочешь, но не верю, что такой парень, как Витька Торопыга, мог поливать за Женькой. Раньше он, например, на неё просто-напросто чихал. У меня даже в голове не укладывается, что Женька смогла пришить к своей юбке Витьку.

И если он правда в женькиных лапках, то он - большой подлец: его друг, Колька Костин, не мог жить без этой пашенки. У Кольки есть брат, тоже Колька, и этот брат, Колька, сказал, что за своего кузена, то есть за Кольку, когда-нибудь спустит Витьку с лестницы. Чем скорее это случится, тем лучше для Витьки: не будет подводить друга. Ромка, насчет того, что ни у кого с Галькой не выходило. Ты, топ шер, впал в непростительную ошибку. С Галькой дружил Юрка Кувыкин, и только по его собственной вине они поссорились.

Роман, послушай из уст моих мудрейших побед. Если ты не бросаешь поливать за Эльвиркой, то действуй как можно энергичней, а то много прогадаешь. Я с ней был мямля, поэтому у меня с ней путного ни хрена не вышло. Не следуй моему примеру. Играй, Роман, ва-банк, или кранты.

Да, Ромка, не знаю, что хорошо Багаев нашёл хорошего в Галька. Девчурка она — ничего, но ему по-моему она не подходит. Впрочем, о вкусах не спорят.

Да, хочу тебя спросить тебя об одной вещи. На фотокарточке вторую часть автограф написала Галька, бо Элька Будаева?

Недавно встретил Рэнку. Увидел её в кино: думал, что она меня не увидела, но, когда выходил из кино, она меня догнала с одной девчонкой. Пришлось идти провожать сначала одну девчонку, а потом Рэнку. С Рэнкой мы немного «душевно» побалакали и пришли к выводу, что нам встречаться совершенно излишнее, чему я весьма обрадован, т.к. не встречал ещё хуже девчонки, чем Рэнка.

Учусь по-немногу, к экзаменам начну готовиться 1-го мая. Готовимся к Ленинским дням, работы пока по горло. Завтра прёмся в дом Ленина на лекцию. Читаю, сейчас, между прочим, по-страшному.

Так-то, Ромач, живём.

Кончаю, топ шер; распорядись приветами, как хочешь.

До свидания.

Твой Феликс.»

Эльвирка, повидимому, по уши влюблена в Гебу, он довольно крепко в Галю. Витка Торопчик — амант Женьки Гетнер. «Всё смешалось в доме Облонских» и в уфимском «beau monde».

Характерные детали: Эльвира писалась еврейкой, теперь превратилась в украинку. Вот сволота! Женька прежде писалась «русская», теперь «полька». Вот за это я готов поцеловать край её платья. Женичка — восходящая звезда.

Окружение Эльвирки — Кириллова, Еникеева, Мельникова.

25 апреля. Среда. Вовка Мурзин уехал в Ленинград, что до последнего момента скрывал от меня. Танька рыдала на вокзале, расставаясь с Вовиком, схватила 2 по химии, чему Эльвирка была очень рада.

Скоро я познакомлюсь с Эльвиркой. Решительно не представляю, о чём буду с ней говорить. Я всё ещё влюблен в эту дрянь.

26 апреля. Сегодня утром соседка говорит: «Я сегодня такой клопомор изготовила — это не клопомор, я концентрат атомной энергии!» Какая непочтительность.

29 апреля. Воскресенье. До сих пор ничего не предпринял в девчачьем отношении.

Весна. Прорезается травка, деревья густо опушились первой молодой листвой; листья мелкие и словно маслянистые. Погода изменчивая: за три часа можно увидеть и свинцовые тучи, и голубое, как китайская глазурь, небо. Сейчас покрапывало. Боюсь, что погода испортит первомайскую демонстрацию.

Жду письма от Феликса. Завтра.

Весна крепко влияет на меня. Я сильно скучаю по «дряни».

Сейчас я сблизился с Гебой. Я помогаю ему в его амурах, он - мне. В первомайских праздниках погуляем, после демонстрации. Кончится к часам двум, пойдём с ним по городу. Мы с ним всегда очень интересно разговариваем. Он мне нравится. Нравлюсь ли я ему, не знаю.

Хочется увидеть Эльвирку, говорить с ней. А Музу я забыл. Видно, Эльвирка не девочка, раз так может «завинтить мозги».

В Корее плохо: кровавые бои, наступления американцев. Генерал Риджуэй назначен Макартуром.

У нас собирали металлолом: это живо напомнило годы войны, когда 11-ая школа получила благодарность правительства за наибольшее количество собранного металлолома. Рассказывают, что в Москве на каком-то высоком доме радарная установка: башенка, часовой и один меха-

ник. В нашем классе учится Алик Шарипов: его отец реактивный бомбардировщик — послан «в Китай» — т.е. в Корею.

Да, мы живем в беспокойное и тревожное время. Атмосфера насыщена электричеством. Ситуация решится через Азию. Азия горит, Азия поднимется. Панчен Лама — в Пекин, премьер Чжоу дал ему банкет, где Панчен объявил о неделимости Китая и Тибета.

Красный Китай! Красный (скоро) Тибет! В Иране отчаянно бастуют нефтяные рабочие. В Израиле американцы строят военные базы.

Индонезия будет свободна. Вьетнам почти свободен. Глухая борьба в Бирме и Малайе, Индия и Пакистан — широкое поле для будущих могучих революций. Арабские страны отстали, но они еще воспрянут.

Япония — очень реакционная страна: микадо Бусидо, самураи, дзайбацу, чумные крысы, тифозные вши, микробы, пушки, гейши, камикадзе, невежественный народ, послушная армия («полицейский резерв»). Страшно подумать, какие беды Япония ещё может принести человечеству.

Но ведь и Россия была жандармом Европы: польская и венгерская кровь долго дымилась на земле Петефи, Мицкевича, Словацкого.

Мы плохо знаем Японию. В ней сильные коммунисты, может оказаться почва для революции.

Азия — надежда человечества.

1 мая. 1951 г. Прекрасный день! Один из дней, когда случаются моменты полного исчезновения личного чувства. Когда под гром марша мы идём в строю мимо правительственных трибун, я чувствую себя способным на многое для дела, которому придумано много пышноименований и которое можно определить одним извечным словом, введенным в обиход Французской буржуазной революции XVIII в.: Humanité é, человечество.

Праздник большой. . .

Боялись, что будет плохая погода, — нет, хороша, солнышко светит, но не знаю, какого дьявола такое сероватое небо, — голубое, но местами пепельный оттенок. Дует ветерок, треплет мою «чупрыну», играет волосами женщин, полощет юбки. Девушки нарядны, все взгляды — ждут и ищут: май! Человечество жаждет любви. Я ж тоскую.

На демонстрации мои друзья сфотографировали для меня Эльвирку, я же не видел её. Назначил свидание Гебе в 2.30 у школы: он не пришёл. Порою хандра берёт, учусь с ней бороться; ипохондрия — признак вырождения. Будем или веселы, или бодры! Оставим меланхолию гниющим людям Запада.

Видел Музу, Гальку Токареву, Феру. Видел Женю Гетнер с Виткой Торопчиным. Он так в неё влюблён, что запрещает ей ходить в кино без него или - тем паче! — с другими ребятами. Крепко Женюшка пришила Витю. Рослая, красивая девчонка, очень хорошо сложенная и стройная (très bien faite).

Фелька не пшпет, milles diabolos! Anathemo sit! Я его (quis ego! — кажется так?)!..

Сегодня третий день пасхи. Всюду пьяные. Ребята, встретившись, шутят:

— «Христос воскрес!» — «Воистину воскрес!».

Сегодня вечером пойду гулять в город.

2 мая. Вчера прогулялся по ул. Ленина и др. с Музой, Ферой, Г. Токаревой и ещё какой-то девочкой. Ходил и разговаривал; ходил с ребятами, к[ото]рые обещали меня напоить, но обманули: денег у них не было. Атмосфера города была густо насыщена испарениями spiritus vini.

Я же выпил вчера только две рюмочки кахетинского: всю водку выпили без меня. Parbleu! Я возмущен. . .

Сердце болит, но я твёрд духом! Сегодня попытаюсь к Гебе. Ещё мгновение, и я начну действовать отчаянно.

3 мая. Вчера шлялся долго и плодотворно.

Сначала Нина Юльевна угостила меня бокальчиком крепкой желтоватой старки (грамм 60, 43 градуса). Я пошёл к Гебе, но у него были гости, я ушёл через полчаса к Вилорику, поиграл в шахматы с ним, с Вовкой, с Юркой Кувькиным, пошёл на Ленина, где должен был встретить Гебу. Пошлялся, встретил Лёву Митюгова, к[ото]рый мне сообщил, что Геба в кине, т.к. не дождался меня. До конца сеанса было около двух часов, я принялся убивать время с Митюговым и его товарищем, красивым, обаятельным, слегка грассирующим юношей. Усердно убивая время, мы шлялись и беседовали, причем я раза два колко прошёлся насчет Эльвирки. Позже обнаружилось, что этот красивый мальчик — Шурка Руденко, отставной amant принцессы Берлявской. Впрочем, он еще не бросил мысли о ней; по-моему, он только притворялся, что ушел совсем от неё.

Я, Митюгов и пришившийся к нам взамен Шурки долговязый студент-однокурсник продолжали убивать время. Наконец, оно было убито. С 9 часов я шлялся с Гебой. Он попал в критическое положение: давно не видел Ритку Меркушеву (целительная повязка на его простреленном сердце), Галька с Элькой от него отвернулось демонстративно (они шли вчера с неизвестными ребятами), он не встретил Жанну Смотрлицкую (девочка из 9 «в» 45 СЖШ), к[ото]рая тоже должна немного облегчить его страдания (он серьёзно уязвлен дрянью Галькой). У меня дела: поговорить с Галькой, познакомиться с Жанной (чтобы познакомить его).

Вчера была и Эльвирка, шлявшаяся в компании двух девчонок (одна из них знаменитая Эмка Полканова) и высокого чернокудрого парня (какой-то Ромка, по прозвищу Поль Робсон). Мы прошлись позади них, потом отстали, они ушли на ул. Сталина. Пошлявшись, и мы с Гебой ушли. Он живет на ул. Сталина, в большом трёхэтажном доме; у дома палисадник, в нём скамейка. Мы сидели на ней и беседовали. Напротив, через улицу, высится завод электротехнического оборудования,

к[ото]рый к каждому празднику роскошно иллюминируется (много ламп и вдоволь опытных электриков). В этот раз иллюминация была такова, что мы сидели в сплошном электрическом зареве. Вдруг со стороны Зенцова появились, идя по дороге, трое: то были Эмка, Эльвирка и Поль Робсон. Они прошли медленно и прекрасно нас видели. Геба поздоровался с Эмкой. Уже отойдя далеко, Эльвирка не выдержала и обернулась.

Я принял решение заговорить с ней (наглый способ знакомства).

Поздно вечером. Свершил благое дело, поговорил с Галькой. Пусть на сердце Гебы прольется капля целительного бальзама. Правда, роль моего незавидная, но я делаю хорошее дело: в субботу или воскресенье Галька с ним поговорит. Он притворится, что ничего не знает. Зато я упустил случай познакомиться . . .

4 мая. Вечером. Сегодня я проявил всю свою слабость, всё своё безволие. У меня была замечательная возможность: я шел с Гебой по Сталина — вышел специально встретить Эльвирку. И мы встретили её: время было рассчитано точно. Они с Гебой поздоровались, я же настолько потерял самообладание, что не догадался даже пойти за ней, не то что заговорить.

Сто чертей! Я проклинал себя всё это время, что сидел в школе, я томился до тошноты. В груди всё высыхает, хочется видеть её и слышать. . . Жуткое ощущение. Я удержу себя в норме при ней, но наедине со своей душой я страшно тоскую.

Фелька не пишет. Я в гневе и в изумлении. В следующий раз (если будет немного людей) непременно заговорю с Эльвиркой. Это вопрос самолюбия. Я перестану уважать себя, если не сделаю этого.

7 мая. Эльвирку ещё не встретил. Письма от Фельки не было. В 45-й 10-го вечер.

Дело было у нас с Гебой. Галька взаправду пришла в воскресенье (вчера, то-есть) на Ленина. Но от Гебы отвернулась, когда мы приближались, он из гордости не поздоровался первый, она «не замечала». Геба дал мне билеты, купленные им специально для этого, после усердного стояния в очереди. Я подошел к Гале и пригласил в кино. Она отказалась наотрез. Она сволочь, бездушная кокетка, ледяная статуя! Сколько сладкого фимиама воскурил я ей, сколько уступок мы сделали её гордости! Вот дрянь! Холодно и равнодушно отказалась, чуть ли не рассмеялась в лицо. Ну, что ж! Она об этом пожалеет. Геба уже принял решение чихнуть на неё. Я тоже запишу за ней эту задолженность. Дура, как она глупо и скоро отказалась от явно выраженной . . . любви (?) Гебы. Это чуть ли не первое его поражение — и сильное! Он был сильно увлечён ею.

Я никак не могу поймать Эльвирку. На вечере поговорю с ней.

Несмотря ни на что, я всё же в неё влюблён.

11 мая. В Корее дело дрянь. Янки применили бактериологическую войну.

Феликс не пишет. Беда!

Настал наш май. После праздника побыла хорошая погода, потом хлынули дожди, начало становится всё холоднее, вчера утром мы увидели снег на земле и крышах. Снег медленно плавился в течение дня. Вечером его не было, была лишь грязь. Мутные желтоватые облака разорвались клубами, в окна нашего класса брызнули тусклые лучи догорающего солнца. Ночью в небе проступили звезды, облака растаяли. Сегодня утром в наше окно глянула ослепительная заря. Сейчас утром в небе проступили звёзды, облака растаяли. Сейчас сияет солнце с лазурного небосклона, Уфа вся занята одним важным делом: сохнет. Грется после трёх-четырёх дней слякоти.

Вчера Геба показал мне в Москве купленный подарок для Гальки на день рождения. Подарок остался у него: Галька не пригласила его на день рождения. Шкатулка, расписанная в 1950 г. Зерцаловым (изображение Медвежьей охоты), цена 128 рублей — дешевка! Шкатулка получила диплом 1-ой степени от экспортной комиссии. Вот прелесть — произведение искусства! Ещё раз Галька идиотка.

Два раза за последние дни я ходил по Гоголя, Эльвиру не встретил. Кошки-мышки? Она, кажись, избегает. Чих с ней! Никуда не денется. Лишь бы не умерла, не уехала и не стала женщиной раньше времени.

12 мая. Вчера я звонил Эльвире, с телефона Гебы. Так долго набирался смелости, что Геба за меня набрал коммутатор и всобачил мне трубку. Я говорил с ней довольно долго и в середине разговора назвал себя. Она притворилась, что не поверила — иначе нужно было бы ей благородно брякнуть трубку. Я говорю: «Назирова». Она отвечала что-то и потом: «Нет, я его голос знаю». Она была «уверена», что это Алик Касимов; по крайней мере, меня уверяла в этом (но я ей не поверил). Болтали о том, о сём; Геба смешил меня, я хохотал в трубку и извинялся перед ней. Говорю, что меня тут сме[шат] ... мои пальцы и велела передать Гебе трубку. Когда он подтвердил, что это «Ромка», она всем голосом выразила разочарование: «Ну-у-у...»

14 мая. Понед[ельник]. Я счастлив.

Вчера, в воскресенье, гуляли с Гебой, в надежде встретить Галю или Эльвиру. Галя была, кажется, у Эльки — занимались повторением (скоро экзамены). Но расскажу по порядку. Мы вышли в восьмом часу, чтобы попасть на концерт 45-й школы в парке имени Матросова. Конечно, два рубля за вход платить — мы не дураки. «Перелезем через забор?» — «Конечно!» Сказано — сделано.

Теперь о заборе. Когда-то это была простая честная деревянная изгородь из брусев и досок; как удобно было проделывать в ней дыры! Но в прошлом году из гуманных соображений (чтобы детки не лазили через заборы — это связано с прыжками и ушибами) власти парка обнесли его выкрашенной в черный цвет металлической изгородью, имеющей довольно зверский вид. Мы полезли; стоя наверху, я хотел было прыг-

нуть, да побоялся порвать брюки, стал спускаться осторожно, поставил ногу на металлическое острие (не обратил внимания на точку опоры), перенёс тяжесть тела на эту ногу — и трр! — страшный скрип: железный наконечник входит (сквозь подошву ботинка) в мою ногу. Снял я ботинок, приложил подорожника, надел снова — и хоть бы хны! Немного тепло в ботинке от крови, ходить приходится прихрамывая. Обошли парк, посидели, поглядели на бильярд, резанулись в шашки, послушали пение мелких сорокопятак, Геба сыгранул в «volleyball», но никого из наших девятиклассниц не было. Жаль! Поискали среди танцующих, пошли вон из парка. Прошлись по Ленина, встретили Нэльку с Женькой (inseparables), уже уходили в сторону дома, как вдруг надумали «звякнуть!» «Феноменальная» идея! («феноменально» — его любимое словечко.) Вернулись к центральному почтамту, прошли под знаменитым местом свиданий — под городскими часами (правда, теперь оно уже уходит в историю уфимских бульваров), забрякались в будочку телефона-автомата. Сначала набрали № 2–86–57 (Галина Константиновна): звонил я, мамаша Гальки пятнадцатилетним голоском (à propos, её детский голос не раз вводил в заблуждение галькиных amorosos) ответила, что Галя ушла, кажется, в парк. Затем набрал Геба коммутатор № 2–99–44 и попросил квартиру Берлявских. Разговаривал я, Гера по своему обычаю шкродничал рядом. Я начал с места в карьер: «Эльвира, на улице Ленина очень хорошая погода». Откуда смелость бралась — всю робость я оставил позади телефонной трубки. Когда нужно звонить, я бледнею и волнуясь, а когда мембрана около уха — появляется боевое настроение. Сначала я не назвался, потом она, наверное, услышала бормотанье Гебы, посмеивавшегося рядом: мои телефонные разговоры всегда веселят его. Поняв, в чём дело (а может быть — и по голосу), она вдруг сказала: «Здравствуйте... Рома». — «Здравствуйте, Эльвира». Спросила, не от Геры ли я звоню... — нет, не так: откуда я звоню, я говорю — с автомата, она: «От Геры?» Я (гордо): «Я никогда не вру». — «Ого». («Она это запомнит», — шепчет Гера).

Мило поговорили, она пообещала выйти в парк, наступила пауза, она их терпеть не может, сказала: «Ну, ладно», (Не прощаться же) и повесила трубку. Мы отправились к парку походкой завсегдаево парижского Бульвара, беспечно фланирующих с розой в петлице фрака и деньдёнської гранящих мостовую. Дошли до парка, перелезли вновь, начали обход. Уже темнеет, зажглись огни, освещены киоски с напитками, на главной аллее (avenue), в сумерках чернеет на белом постаменте мраморный Александр Матросов... хлопают выстрелы в тире, шумит толпа гуляющих, уж не стучат бильярдные шары по крайней мере они уже не в центре [...]

Побродили. Гера пытался показать мне скамейку, на к[ото]рой они прошлым летом сидели с Анькой Мещёрской, хотя скамейки переставляют каждый год. Дорожки посыпаны свежим песком, музыка слышна

чуть не на весь парк, у киосков теснятся «жаждущие» — закуска тает, запасы белой исчезают, торговля бойкая, продавщицы не перемывают стаканов, некогда! Уже слышна кое-где хрипая брань: затеваются драки. Тёмная небо в чернильных облаках; зеваки сгрудились у качелей: лодки летят со скрипом, поднимаясь иногда перпендикулярно земле; юбки и брюки развеваются в воздухе: смешки и колкие замечания. Опять танцплощадка — никого нет. Сто чертей! Ни Гальки, ни Эльвирки. Вышли на Ленина. Я сразу же начал ругать Эльвирку, но Геба вдруг толкает меня: легка на помине — «Вот они.» Эльвира была с незнакомой девочкой (позже познакомила нас с ней: Тамара NN). Мы прошли Эльвирой в общей сложности 10 кварталов (3 квартала от парка до улицы Сталина, потом 2 обратно до Пушкина, 2 вновь к Сталина и по Сталина до дома Эльвиры), много разговаривали: мое настроение как-то сразу уравновесилось, появилась какая-то непринужденность, я почти нарочно коснулся несколько раз её бедра; ничуть на меня не действовала её близость — вернее, действовала, но особо: большая душевная лёгкость, ощущение счастья, сохранившееся до сих пор. Полгода я сгорал, теперь моя серединка хорошо прокалилась, я дошёл до отчаяния и стал смел до нахальства. Я говорил много, владел разговором. Тамара не проронила ни слова, Эльвира помалкивала. Она было очень хороша. Я глядел ей в глаза и заставил её отвести взгляд. Инстинктивно я стал нападать. Она говорит: «Динамовские весы сегодня показали, что я вещь 30 килограммов». Я: «Да, крупная ошибка». Она мгновенно затихла: это был неожиданный удар. Я еще разок потом напал на неё. Гера потом сказал, что он «в ужасе» следил за нашей пикировкой. Она обломала об меня все стрелы своего остроумия, но я только посмеялся добрым смехом. Я был слишком счастлив. Однако, на прощанье она ещё раз кольнула меня. Обменявшись впечатлениями с Герой, я увидел, что, пожалуй, немного перехватил. Решил на вечере во вторник заглазить.

Сегодня утром палец на ноге тупо болел, начал разбухать (кажись, лимфатическое воспаление). Я перепаратился, объявил маме, что в школу не пойду, попросил прислать Геру, вымыл ногу. Гера пришёл. Мы поиграли в шахматы, перебрали кое-какие вещички, записи. Мама пришла после 12 часов, мы ушли с Герой — он убедил меня пойти к врачу. Мы ухитрились растянуть путь по Гоголя (2 квартала, где Эльвира ходит в школу) на несколько минут, в конце концов я встретил прелесть — Эльвиру. «Здравствуйте». — «Здравствуй». Мы очень мило улыбнулись друг другу, поговорили, как старые знакомые, минутки полторы — и она поспешила дальше в школу. Чудно!

Завтра, в 8, долгожданный математический вечер в 45-й школе. Эльвира! Я с тобой поговорю.

Я никогда не видел её красивее, чем 10 ноября прошлого года и сегодня. 14 мая 1951 года — я запомню этот день и отмечу его белым камешком.

«Смелость города берёт». «Только смелым покоряются моря».

«На войне ли, на дуэли,

У красавиц ли в сердцах -

— Только тот достигнет цели,

Кто не знает слова “страх”».

18 мая. Пятница. День заурядненький. Уже не учимся. 21-го экзамен по основам дарвинизма.

Ещё раз встретился с Эльвирой (договорился по телефону, она заставила себя ждать). Предложил культпоход в кино (она, я, Алик Касимов, ещё какая-нибудь девочка). Поговорили на о-кэй. На др[угой]. день (17 мая) я звонил ей, но у них снят телефон. Набрался наглости, поднялся к с а м о й на её третий этаж: её не было, вышла её «тамашен» и сообщила, что Эльвирочки нет . . . , что собирались в кино, договориться . . . тётушка ответила, что - «добре».

Сегодня я несколько раз прошёл под окнами Эльвирки, но не зашёл. Настроение средненькое. Не знаю, отчего днём у меня несколько раз кружилась голова.

Увлечение Эльвиркой усиливается. На вечере я был близко — близко от неё, стоял рядом и глядел в упор, они это и любят, и не любят. Я заметил на её хорошеньком носике мельчайшие капельки — просто искорки пота. А ведь она не бесплотное существо! Я довольно интенсивно начинаю замечать. У неё полные, округлые, но довольно красивые ноги. Стройность её далеко уступает Женьке Гетнер.

Сейчас я подсчитаю свои встречи с ней: 17 встреч. Из них 4 после знакомства.

Но я держу себя в руках. Нужно будет — извлеку её из сердца без всяких инструментов.

Пока он смотрит на меня благосклонно, но кто знает, что она думает. Ладно, Эльвира, я не умру всё же без тебя! — Однако, мне хочется попасть на её рождение этим летом.

В Корею мнутя. Старательно истребляют корейцев, рассеивают бактерии, скидывают напалмовые бомбы, жгут, взрывают, бомбардируют, обстреливают. Говорят (американцы), что в Корею во время боя из четырех солдат 1 не применяет оружия. Американцы называют войну в Корею «десятипроцентной войной» и считают, что она спасла Америку от кризиса.

Ничего особенного не происходит. Особенное происходило. Во Франции провели один из реакционнейших в её истории избирательных законов. Коммунистам не бывать во французском парламенте. Кажется, генерал де-Голль идёт к власти. Во Франции назревает фашистская диктатура. Но компартия Франции очень сильна, вожди её — Морис Торез, Жак Дюкло, Марсель Кашен (ему уже за 80) и другие. Люди стальные. К ним примыкают сочувствующие (как, например, Фредерик Жолио). Если будет борьба, то ещё посмотрим.

В Марокко недавно французский генерал Жуэн наводил порядок, диктовал декреты, брал султана за горло

В Корею положение как будто немного улучшится.

В Боливии недавно были президентские выборы. Кандидат демократических партий (кажется, коммунист) собрал больше половины голосов (хотя голосовало 120.000 человек из 4 млн., выборы в условиях террора), но не дошёл до конституционного абсолютного. Напряжённая обстановка разрядилась в пронунсьяменто. Власть захватила Военная хунта во главе с каким-то генералом. В карикатурно-трагической истории America Latina стало одним диктатором больше. В кинотеатрах половины мира демонстрируются «Летающие крепости» над полями Кореи, чёрные огромные клубы разрывов и изрытую бомбами землю. В Корею уже направляют Японцев, в форме войск Ю-Эс-Эй (USA). Бактериологическое оружие. Напалм — новинка корейской войны. Толстые прибыли в Штатах.

Маленькая историческая справка.

1900-й год. Буры подстреливают из своих кустов английских солдат красных мундирах. Китайские крестьяне бунтуют против европейских работодателей.

1901-й год. Буры отчаянно отстреливаются. В Париже сыночки банкиров пьют шато-лафит и кричат: «Vivent les boers!» В Петербурге тоже поднимают бокалы: «Да здравствуют буры!» В Китае рубят головы и грабят.

1902 год. В этом году с бурами покончено. Жубер, Пауль Крюгер и Кронье в плену. Войны кончились. «Трансваль, Трансваль, страна моя. . . »

1904 год. «День Марии». В Порт-Артуре взрываются торпеды. Русско-японская война.

В 1905 году царя побили бамбуковой палкой по голове. Мир с микадо. Льётся кровь на снегу Петербурга «Пли!.. Пли!..» «- Нагаечка, нагаечка, нагаечка моя, помнишь ли, нагаечка, девятое января!»

С 1907 г. по 1910 г. в Иране длится революция, шах и реакцию борются фидаями и побеждают их.

1910 г.- революция в Мексике. «Abajo Porfirio Diaz!»

1911 год. Революция в Китае. Начинается война Италии с султаном. Макаронщики захватывают Триполитанию и Киренаику.

. . . Китае. На Балканах начинается война с турками.

1913 г. — Турок победили, но балканские союзники подрались из-за добычи, брат восстал на брата, отовсюду напали соседи на Болгарию — она разбита и ограблена за месяц.

1914 г. — Только лишь мир вздохнул свободно, как вдруг сербский националист Гавриил Принцип на ходу автомобиля всобачил семь пуль из револьвера во Франца-Фердинанда. Более, чем достаточно! Швейк

не успел допить свою кружку пива, как ему велели воевать. Гром гремит! Первая мировая война. Над полями Европы парят германские цепелины, плывут аэропланы, летают снаряды... Прусский офицер глядит сквозь стёклышко моногля на предсмертные судороги поверженного романца. «Deutschland, Deutschland uber alles!» Кайзер и его шесть сыновей, цезарь Франц-Иосиф, болгарский царь, султан турецкий. Ков... ный итальянский король выжидает с чисто шакальской мудростью...

1915 г. — Весна. Сенегальские стрелки в окопах близ Ира греются на солнышке и вспоминают родную Африку. Странное облако наплывает по ветру. Да, почин принадлежит великой цивилизации германцев — удушливые вещества первый раз в мире! Иприт (горчичный газ). Люди усердно истребляют друг друга. Кричат ораторы, националисты, «социалисты», пасторы, газеты, штабные стратеги, призывая истреблять «врагов».

1916 г. — «Верденская мясорубка». Обе стороны потеряли вместе 700.000 человек. Крупп, Виккерс, Базиль, Захаров, Шнейдер потирают руки. Знаменитый брусиловский прорыв.

Около 5 месяцев летом и осенью англичане дрались с немцами на Сомме. Обе стороны вместе потеряли ≈1.200.000 человек, обменялись целыми горами снарядов.

Англичане ввели еще одну замечательную новинку, они благодетельствовали человечество танками.

1917 г. В России буржуазная революция. Николай Кровавый отрёкся. Медь труб изрыгает марсельезу, всюду красные банты и громкие речи, Временное правительство и Керенский. Октябрь, залпы «Авроры», штурм Зимнего, Ленин в Смольном. «Это есть наш последний и решительный бой!..»

1918 г. Американцы в Европе. Германия разбита. Интервенция в России.

1919 г. ...ся. Версальский мир.

1920 г. — Война красной России с белой Польшей.

1921 и 1922 г. — Изгнание японцев из Приморья.

Наконец, наступает мир. Мир нервный, капиталистический, версальский — непрочный. С 1922 г. в Италии у власти фашисты, дуче Бенито Муссолини, поэт Габриэль д'Аннунцио, право сильного, страсть к захватам. Французские буржуа грозят железным кулаком капиталистам побеждённой Германии. Скрипят зубами немецкие реваншисты. В Китае вспыхивает гражданская война, и с 1925 г. эта великая и несчастная держава не знает спокойствия. Пять ужасных лет мирового кризиса. В 1931 г. японцы вторгаются в Манчжурию и, в 1932 г. отторгнув ее от Китая, превращают в Маньчжоу. Непрочный капиталистически мир агонизирует. В 1933 г. Nazionalsozialismus захватывает Германию в свои руки. Фриц Тиссен и Альфред Крупп выпускают на политическую арену свою креатуру: сумасшедшего ефрейтора Роберта Шикль-

грубера. Коричневые рубашки, завывания о древних германцах, дикий бред об арийской расе, еврейские погромы, запах костров, на которых горят книги, безбрежный океан мутной демагогии, изливаемой министром пропаганды, желтым уродцем доктором Геббельсом; бледный лик с наполеоновской чолкой и кляксой на верхней губе — Heil Hitler! Бешеная гонка вооружений, средневековый мрак над Германией, золотой поток, текущий в сейфы Крупна. Пушки, самолет, дирижабли, танки, крейсера, подводные лодки. . . Старая песня: «Deutschland, Deutschland uber alles!»

1935 г. — дуче напал на Абиссинию. Смуглые воины в львиных шкурах стреляют из ружей в самолеты. Пули — плохая защита от иприта. Абиссиния под властью фашизма.

1936 г. — начало фашистского мятежа в Испании.

1937 г. — начало войны Китая и Японии.

1938 г. — Воюют в Китае и в Испании. Русские лётчики тайно сражаются в небесах испанской республики. Борьба республиканцев, добровольцев всего мира, Интернациональной бригады. Знамя с портретом Чапаева ведёт революционеров в первый бой против фашизма. Немецкие фашисты захватывают Австрию и поработают Чехословакию.

1939 г. — В Испании по трупам приходит к власти «каудильо» — «генералиссимус» Франциско Франко. В Португалии «союз креста и сабли» — Салазар (впрочем, когда он там утвердился?). Гитлер нападает на Польшу, затем в 6–7 недель разбивает Францию; французская буржуазия позорно капитулирует.

1940 г. — В воздухе пахнет грозой. Весь мир покупает оружие. Хищники капитализма щёлкают зубами и рычат.

1941 г. — Буря. «22 июня ровно в четыре часа Киев бомбили, нам объявили, что началась война». Я был тогда в Харькове. Я сидел и рисовал, дело было уже днём. Вдруг входит соседка, в одной руке у неё ножик, в другой — недочищенная рыба. — «Война началась. . .» — «Вы что? Какая война?» — «Война с Германией». — «Неправда!» — «Молотов говорил по радио. . .»

7 декабря 1941 г. в военном порту Пирл-Харбор на [Гавайи] грохочут взрывы торпед, белые столбы вздымают среди тонущих американских броненосцев. Любимый способ Японии начинать войны.

1942 г. — Кровь, огонь; на русских снегах горит отблеск пожара.

1943 г. — Сталинград. Победа. «Пусть ярость благородная, вскипает, как волна; идет война народная, священная война».

1944 г. — Муссолини и его свиту поймали близ Венеции итальянские партизаны. Всех их осудили и повесили. Дуче, его любовницу, свиту. Бенито Муссолини кончил свою гнусную жизнь самым гнусным образом: его повесили за ногу, как собаку.

1945 г. — Победа! Победа! Германский фашизм сопротивлялся отчаянно, засыпал Англию самолетами — снарядами, изобрёл фаустпатроны,

множество других видов вооружения. На зверства захватчиков русские ответили изобретением «катюши», возрождением реактивной артиллерии. Красная Армия, применяя новую сталинскую стратегию, стратегию глубоких прорывов и огромных охватов, врубалась всё глубже в оборону немцев. Берлин засыпали бомбами и снарядами. Над рейхстагом взвился красный флаг. Берлин сдался. Германия капитулировала.

В своем бункере Гитлер и Ева Браун приняли яд, Геббельс отравился. Гиммлер отравился. 2 сентября 1945 г. на американском линкоре Миссури был подписан акт о капитуляции Японии.

1946 г. — Длится борьба в Китае между компартией и гоминданом. Индонезийцы борются за независимость. Восстал Вьетнам.

1947 г. — Воюют в Китае, на Больших Зондских, в Малайе, во Французском Индокитае.

1948 г. — Воюют в Китае, Индонезии, Малайе, Вьетнаме.

1949 г. — Китайский народ победил. Гоминдан разгромлен, Чан Кайши бежал. Вьетнамцы борются успешно. Индонезия залита кровью, голландцы дают ей бумажную независимость

1950 г. — Успехи народной армии Вьетнама. Китайцы добивают предателей. Партизанская война на Филиппинах («хукбонг»). Начинается страшная война в Корее.

1951 г. — Корейская война продолжается. . . .

Итак, в XX -ом веке у человечества было лишь около 10 лет весьма сомнительного мира.

Недурненький итог!

А как же дальше?

25 мая. Написал экзаменационную по алгебре. Надеюсь на пятёрку. Сегодня Геба напечатал карточки. Эльвира вышла какая-то сердитая: глядела на солнце. Я взял 4 карточки: Эльвира, Женя, Муза и Муза с девочками.

28 мая. Только что от Эльвиретты. Добрый час, а то и полтора разговаривал с ней. Вот уж действительно в эти моменты я был счастлив. Недурненько поговорили. У меня от волнения голос смущался, я говорил низким рокочущим баском. Я сидел, она стояла, опираясь на стул, прямая и высокая, искусно выделяя положением рук свою красивую грудь. Когда я вставал, я был гораздо выше неё. Недурно говорили, мне нравится этот разговор. Она поддерживала его изо всех сил. Мы с ней, конечно на «ты.»

Я пошёл к ней под предлогом того, что Гера велел передать ей «Консуэло». Предлог не хуже всякого другого. Если бы её не было дома, я и не заикнулся бы в книге.

Юриq Пацков влюблён в Майю Захарьину, я сам об этом догадался. Нельзя безнаказанно дважды обнимать девушку на сцене — непременно втрескаешься. А они еще делали вид, что целуются (в шутке Чехова «Предложение»). Бедняга Юрия! Всосала Юрию зеленоглазая bestия.

Карточку Музы и Гали Шукиной пришлось отдать Нарьке. Что ж! Муза уходит — ведь сердцу не прикажешь.

Скоро ли Феликс приедет? Изругать его всё же нужно.

Как хороша Эльвиретта! Её мать — симпатичная мегера лет сорока трех на вид, толстая, высокая, жирная. Типичная еврейка. . . украинка! Хотя — я ж не знаю её папашу. Но - там увидим. Я ещё встречу её в пятницу вечером — обещала выйти. Буду с Гебой фланировать в пятницу.

29 мая. Сдал геометрию на 5. По алгебре 4 (и годовая будет 4). Чих с ним! По алгебре четвёрки получили Виницкий, Москович, Панкин и др. хорошие ученики — у всех из-за одной фразы при решении геометрич[еской]. прогрессии. Но у них годовые пятёрки. Отблагодарил сегодня Геру за «Консуэло». Это было великое благодеяние с его стороны.

2 июня. 31-го сдал географию на 5, сегодня написал сочинение. Вчера вечером вышла неприятная история с Эльвиркой. Я сказал ей что-то своим вежливым и насмешливым тоном. Она обозлилась и шепнула шедшей с ней подруге несколько слов. Я разобрал только слово «противный» — это сразу испортило мне настроение. Потом Эльвирка резким поворотом ушла от нас (я был с Гебой). Мне захотелось плюнуть ей вслед. Она переменчива, как бриз: днём дует в одну сторону, ночью в другую. Придется применить политику кнута и пряника. Я её засмею, если она попытается состязаться в острологии. Она еще пожалеет, что грубо со мной обошлась.

Сегодня надо бы встретить её. Посмотрим, не изменит ли она ещё раз своё настроение. Если нет, ей будет худо. Она ещё покусает губки.

Мне осталось ещё три довольно трудных экзамена. Фелька приезжает после 12 июня (последний день экзаменов).

Вова Мурзин приехал.

6 июня. Ровно год, как веду дневник. Вчера сдал устную литературу. Послезавтра будет немецкий. Что касается Эльвиретты, я вошёл в норму и держу себя в руках. Ещё немного попробую, посмотрю, как она будет — хвостом вилять или зубы показывать. Плюнуть я смогу.

Трагические истории у меня набрались за год.

Наша школа стоит на углу улиц Ленина и Октябрьской. Мимо нас везут покойников на кладбище. Нередко погребальные мелодии нарушают ход нашего урока: мы вскакиваем и бросаемся к окнам.

Я помню, осенью мимо наших окон как-то прошла траурная процессия, поразившая нас обилием молодёжи: юноши, девушки, явно учащиеся. Хоронили Казаринова, единственного сына интеллигентных родителей. Этот ученик 10 класса (да, вспомнил: это было ещё в 8-м классе, когда я не вёл дневник), чистил, кажется, или проверял заряженное ружье и сумел попасть себе прямо в сердце. У него ещё хватило сил выбежать на кухню и сказать бабушке, что он нечаянно застрелился. Спасти его не смогли. . .

В нашем дворе в апреле произошло убийство крупного инженера — геолога башкирской нефти. Он вышел из квартиры, чтобы поехать, как всегда в Черниковск. На двери он нашёл пакет, адресованный ему, тяжелый; в это время он ждал посылки с минералами. Инженер (его фамилия Менч) внёс пакет в дом, положил на стол, стал разворачивать — и в руках его взорвалась граната. Говорят, труп был страшно изуродован и ободран взрывом. Дочь его, стоявшая за дверью, была ранена в нескольких местах осколками. Эта взрослая женщина совершенно поседела.

Менча тоже провели мимо нашей школы. Шли служащие, инженеры «Башнефти», было множество венков. Весь город говорил об этом событии.

Убийца Менча — его подчиненный по службе, участник Отечественной войны. Убийство совершил из личной мести. Он татарин по фамилии Вильданов.

В субботу — показательный процесс (9 июня). Третий трагический случай.

В первый день экзаменов мы столпились в одном из классов, ожидая экзамена по дарвинизму. Ребята, стоявшие у окна, возвестили об уличной катастрофе. Вот его история.

Одна молодая женщина, сейчас (вернее, ещё недавно) врач из второй больницы, когда-то любила капитана дальнего плавания. Капитан уплыл, женщина приехала в Уфу на последнем месяце беременности. Сын родился: от отца ни строчки. Ни слуху, . . . куда должен был приехать капитан. Они встретились, пообедали в отеле, поговорили. У него была уже семья, двое детей, он не мог жить с нею. . .

Сын был очень похож на капитана. Этой весной ему было четырнадцать лет. Однажды он прогуливался по улице Ленина, в кармане у него был билет в кино. До начала сеанса было много времени. Он решил прокатиться на трамвае. Он вскочил в вагон через переднюю площадку, вагоновожатая вытолкнула его, он упал на рельсы; встречный трамвай проехал по соседней линии и переехал мальчика. Я помню стоящий вагон, огромную толпу, запрудившую улицу и пестревшую на солнце яркими женскими платками, гудки остановленных автомобилей.

Когда мать узнала, она лишилась сознания. Потом пять дней не давала его хоронить. Когда «насмотрелось», разлагающееся тело предали земле.

В Уфе открывают Башкирский филиал академии наук. Его президентом будет Трофимук, дюзькин отец, имеющий ученую степень доктора. Моя сводная сестра Рая Гайнуллина будет младшим научным сотрудником филиала (она кончает аспирантуру сельхозинститута).

Вова Мурзин не прошёл в своё училище из-за зрения. Бедняга! Куда же он теперь?

Дневник за первый год этим вечером кончаю. Дальше будет новая

пачка.

Что произошло за «отчетный» период? Я кончил девятый класс, очень сильно продвинулся во французском языке и истории. Очень повзрослел я: успел много пережить, набраться ума-разума, нашёл друга (или мне это только кажется?)... Что-то у меня с Эльвиреттой получится?

Эх, Эльвиретта, Виретта!

Надо бы всё-таки с ней помириться. Кончаю запись и дневниковый год. Basta ! Assez é crire ! La paix vaincra la guerre!

15 июня. Продолжение моего аннала.

Лето началось солнечное и жаркое...

Кончил 9-й класс. Сдал все экзамены кроме алгебры на пять.

Вчера был вечер 9-х кл. кл. в школе № 45. Музы не было: она уехала в лагерь для старшеклассников, санаторного типа. Была Галя Козьминых, две Эльвиры, Валя Ищенко, Женичка, Жанна Смотрицкая (она немного интересовала Гебу), Фая, Алла, Эра. Я танцевал танго с Дамирой Сайтовой и немного с Аллой.

У меня с Галькой и Женькой (они вдруг резко сдружились — Галка охладела к Эльке) острые отношения. Однажды, я на улице, увидев их, уставился в сторону — явно нарочно, с насмешливой улыбкой. Они злобно захихикали, Женька, нарочно обернувшись, чтобы я услышал, отчетливо просмеялась: «Ах, идиот»... Вчера на вечере Галка много танцевала с Женькой — две высокие девочки в белых платьях, но у Гальки темная голова, косы увязаны на шее корзинкой, у Женьки русые волосы, две косы — не заплетённые, а закрученные в трубочки, одна коса спереди, а другая сзади, и всё время косы сбивались на грудь; Галка шире и массивнее, Женя стройнее, уже в плечах *et caetera*; наконец, Галка в тёмных чулках, Женька голоногая в носочках. Когда они окончили танец близко от меня, я сказал соседу (без всякой связи с разговором): «Бывают же на свете такие идиотки». Галина Константиновна уставилась на меня, я отразил её взор. Ха-ха! весело...

Три самые красивые: Женя, Галя, Эльвира, но кто из них самая красивая — уж не Женя ли? Пока я верен Эльвиретте.

Я с ней всё же поговорил на вечере, причём она сама подошла ко мне, т.е. не ... перед Сашей и говорила с ним без конца, явно ожидая, что я заговорю; рядом с ней была её Ляля Еникеева. Я глядел в упор на милые сердцу черты и молчал. Виретта первая заговорила со мной. Это после того, как я с ней ругнулся, не здоровался с ней на *avenue de promenade* (два раза не заметил, ибо был занят разговором, третий раз она демонстративно дёрнула головой в сторону), не поздоровался, встретив её 13-го сего месяца на ул. Гоголя (куда, между прочим, пришёл специально для неё; но она шла с учительницей, к[ото]рую я принял за мамашу, шла не с той стороны, с какой я ждал, я увидел её внезапно и растерялся). Она заговорила, чорт возьми! Мы побеседовали с ней

немножко и «без злобы»: теперь я с ней здороваюсь!

Женька и Галька смеялись над тем, как я танцую, я им крикнул: «Меня не проймёшь!» — но они увидели только шевелящиеся губы и ничего не услышали из-за грома радиолы.

Когда в 1-м часу вечер кончился, я проследил, куда пошла Виретта (в толпе подруг) и сделал обходной манёвр. Встретив их на ул. Сталина, я повернул обратно и решил их обогнать. Я шёл, как никогда в жизни, спортивным шагом, работая руками, вперёд нога прямая, назад расслабляется — я летел. Я далеко обогнал группу и опять повернул. Шли четверо... Milles diabolos! Сагајо! Галька, Женька, Виретта, и, кажись, Ляля. Я не захотел унижаться перед Г. К. и Е. Г.; сначала я собирался ещё поговорить с Эльвиреттой, но присутствие мерзавок разбило мои планы. Я прошёл мимо. «Ты почему, Рома, идёшь обратно?» — спросила Галя.- «Да, так... гуляю».

Интересно, почему Виретта так либерально ко мне относится? Мне кажется, она заключила с кем-нибудь пари, что сделает меня своим поклонником и рабом. Не бывает тому! «Левой... Левой... Левой». Как говорится, Коммуне не бывает под Антантой.

Вовке Мурзину я прямо сказал: «Кажется, тебе не слишком приятно меня видеть?» Он ответил: «Может быть...» Дурак! Никто не любил его так, как я.

Фельки нет. Сегодня схожу к Игорю Беркутову, его двоюродному брату, чтобы разузнать.

«Триумф Марата» — дело решённое и обдуманное. Я им покажу, что я за члк.

В августе Виретта едет в Москву. Уж не навсегда ли? Было бы страшно.

18 июня. Понедельник. Феликс не едет.

Мною овладело чувство горечи и обиды. Виретта... но о ней позже.

Вчера я ездил с ребятами на Дёму, купался под дождём, отдыхал. Ревматизм даёт себя знать: после купания болит нога.

Вернулись с Дёмы в 8-м часу. В 11-м часу Алик Глезер, Юрий Виницкий и я вышли на ул. Ленина. Вскоре мы увидели шедших навстречу Виретту, Фимку Бугая и Лялю. Бугай кончил 10-й класс вместе с Гебой, он кончил первый курс вуза, Виретте очень лестно с ним прогуляться — уж я не знаю. Мы все трое поздоровались с ней — я даже Фимку не заметил. Она, словно стыдясь знакомства с нами, пробормотала только: «Господи»... — Нам ни ответа, ни привета.

Причины две: влияние насмешек Женьки и Гали надо мной и присутствие Фимы. Но это одна причина: её слабый характер.

Бывает конец и собачьему терпению. Довольно она меня терзала. Теперь я не сделаю ни малейшего движения, чтобы с ней сблизиться. Если она первая... [досто]инство я не позволю втаптывать в грязь.

Е. Г. и Г. К. пожалеют о своей подлости.

Нужно срочно дописывать новеллу.

19 июня. Прочёл социальный и философский роман Вильяма Годвина «Калеб Вильямс». Тяжёлые и опасные приключения невинно осужденного, оклеветанного человека. Замечательная идея о взаимосвязи личного счастья и самоуважения. Вполне созвучно идее «Триумфа Марата».

Сначала, приняв решение порвать с Эльвиркой, я очень страдал. Теперь чувствую себя лучше. Моим ближайшим ориентиром в жизни становится новелла!

20 июня. Мы сейчас оказываем помощь Хиндустану хлебом. 16 июня в Бомбей прибыло советское судно «Кубань» (8.600 т пшеницы). По просьбе Ирана 6 наших самолетов истребляют иранскую саранчу. В Корее дерутся гораздо севернее 38° с.ш. Подбили американский эсминец «Томпсон». Это 8-ое судно, о к[ото]ром морское министерство США сообщило как о повреждённом или потопленном в войне в Корее. Фронт в Корее стабилизировался. Ни вперёд, ни назад.

17 июня были парламентские выборы во Франции. Голосовали по мажоритарной системе. Де-Голль продирается к власти, вся буржуазия его поддерживает. Крестьян, как всегда, обманывают буржуазные партии. Что-то будет? Сейчас включу радио... Музыка. Ну что же, подождём. Вот:

Списки коммунистов (респ. и антифаш.) собрали 5 млн. голосов. Много больше фашистской банды RPF. Избрано около 100 коммунистов, мошеннические проделки буржуазного правительства украли у народа несколько десятков мандатов. Незаконно проташенные списки реакции дают Национальному собранию профашистское большинство.

Вечером. (≈ 9 часов, даже больше). Я только что сработал. Был у Гебы, условился идти завтра в кино, потом пошёл в свой инкабинет, почитал там Луи Блана. В 8 часов я отправился nach Hause. Прохожу мимо 45-й школы. Во дворе Нарик натягивает волейбольную сетку. Ну, я зашёл на минутку. Через минуту — две вошли Виретта и Ляля: у меня создалось впечатление, что они шли за мною по пятам. Нарька поздоровался с Виреттой, я отвернулся. Они заняли места на площадке. Проходя мимо неё, я чётко сплюнул. Это был первый удар.

Второй раз я зашёл на площадку под предлогом того, что там был Алик Глезер. Я громко осведомился у него насчет Юрки Веницкого. Уговаривал Альку Глезера съездить в воскресенье в лагерь для старших классов, где отдыхают Муза, Галя Щукина, Фера, Женька, Галька, из наших ребят Алик Касимов и Шурка Охотников. На Эльвирку не глядел. Она глядела на меня. Вернувшись от Панкина (его не было дома), я зашёл во двор опять, увидел его и устремился к нему с тем же предложением о поездке. Виретта время от времени резким рывком головы бросала на меня быстрые, как в баскетболе, взгляды: это её манера — глянет и отвернётся — полсекунды. В первый раз она поймала на себе мой взгляд, но я больше не глядел на неё, а она глядела. Потом я ещё

раз плюнул и убрался во-свояси. Проходя мимо железной решётки, огораживающей двор, я видел, как она сошла с площадки, взяла книгу, лежавшую на скамейке, и, кажется, собиралась уйти совершенно внезапно: я глянул краем глаза, «нуль внимания и фунт презрения». Она, вероятно, хотела дать мне возможность поговорить с ней, но я не использовал. Чувствую, что она уже раскаивается в том, что так меня третировала.

Что, девочка? Не всё тебе покорно?

Посмотрим, что будет дальше.

А всё же она прелесть, и надо приложить большие усилия воли, чтобы не послать к чорту все свои ожесточенные решения и не сдаться на милость победителя.

Но этого не будет. Je maintiendrai. «На этом я стою и не могу иначе».

«Кубань» — уже третье наше судно с пшеницей. Первый был пароход «Краснодар», прибывший в Бомбей с пшеницей 2 июня. В Индии голод. В Дели 2 июня правительство официально заявило, что Индия отвергла «дар» Канады — низкосортную пшеницу, т.к. «такой пшеницей обычно кормят скот, и нежелательно, чтобы её употребляли люди».

23 июня. Суббота. Вчера исполнилось 10 лет со дня начала великой войны советского народа. Печальный и грозный юбилей. Суеверные старухи боятся июня, вздыхают: «Только бы июнь прожить, а там и целый год войны не будет!»

На другом боку шарика сейчас ночь. В Америке спят, танцуют уанстэп, ту-степ, буги-буш, фокстрот, делают патроны, ружейные замки, дистанционные трубки, линзы для дальнобойных пушек. Что там поделявает Гарри из штата Миссури? Где проводят досуг Морганы? Неважно! Что бы они не делали, какие бы планы не изобретали, всё это рассыплется прахом, всё развалится, как развалился план «Аттила», введённый в действие 10 лет и 1 день назад.

«Вальдорф-Асторию» превратил в клуб. «Эмпайр стэйт билдинг» модно переоборудовать в книгохранилище. . .

26 июня. В воскресенье я ездил в лагерь для старших классов, проведать ребят. Видел Музу, Феру, Галю Щукину. Проведать своих девчат приезжала Женя Гетнер. Столько хороших девочек! Женичка, я чувствую, непрочь со мной познакомиться: оглядывается, задерживается рядом, чего-то ждёт. . . Но у меня как-то не было настроения начинать с ней мирные переговоры: ещё свежа кровосочащающаяся рана в моей сердцевине.

А я всё-таки сумел сохранить своё достоинство и не капитулировал перед габаритной девочкой из высокого дома.

А наша пшеница в Калькутту попала!

. . . В Корею льется кровь. . .

Через 2 часа. Я дочитал «Джимми Хиггинс» (московское издание 1933 года). Я вне себя от изумления. Эти страницы пропитаны болью

и гневом, они кричат об интернациональной рабочей солидарности, о симпатиях к Советскому Союзу, о борьбе за мир — какая злободневная книга! А сейчас её семидесятитрёхлетний автор служит доллару. Этот почтенный седовласый джентльмен в золотых очках совершил самое гнусное предательство — предательство идейное. Эптон Синклер, к[ото]рого Ленин назвал «социалистом чувства», стал простым полицейским ренегатом, как шпион Вейс из его книги «Римские каникулы». Отвратительнее всего, что Синклер отрёкся от всех своих ранних революционных книг. А у него были крупные произведения: «Джунгли», «Корольуголь», «Нефть», «Малая сталь», «Автомобильный король», «Джимми Хиггинс», «No pasaran» (повесть о борьбе испанских республиканцев), «Бостон», «Маунтен-сити», «Столица». Было много слабых страниц в «Бостоне», было много идеализма, ошибок, заблуждений, были социалисты — сынки миллионеров; было много совершенного нереального в «Маунтен-сити», была слабая книга «Пьяный парад», но Синклер всё же был прогрессивным писателем. А теперь этот престарелый Иуда со всею своей нечистой душой, потрохами и эмоциями вписан в графу расходов Большой Книги Уолл-Стрита. Он купил покойную старость, мягкие кресла, тёплую постель и манную кашу, комфорт и тихую смерть ценой великой подлости. Так пусть же наслаждается жизнью, если сможет! Все честные люди мира презирают его.

Его тенденции к предательству незаметно пробивались уже в его антифашистской эпопее второй мировой войны, в его прославленной пенталогии: «Крушение мира», «Между двух миров», «Зубы дракона», «Широкие ворота», «Агент президента». Не знаю, написана ли последняя книга. Первые две были переведены на русский язык. Главный герой — сын оружейного фабриканта из Ньюкасла (Коннектикэт), незаконный отпрыск целой династии пуритан, Ланни Бэдд. Этот обаятельный, молодой человек — тип «счастливого американца», удачника, баловня судьбы. Ланни Бэдд родился и вырос во Франции, жил в немецкой Силезии и в Англии, любил англичанку, получил образование в Новой Англии и т.д. и т.п. Этот гуманный и культурный человек — чистейший космополит, который из вежливости считает Америку своей родиной, ненавидит фашизм, но в общем не суется в политику, а сидит в золочённой башне из слоновой кости и отгораживается искусством от всего мира. Иногда он выходит из неё в качестве типичного «социального чувства» занимается социальной филантропией. По своим убеждениям — он, «розовый» . . .

Какое падение! От Джимми Хиггинса до Ланни Бэдда — кривая идёт вниз. Синклер всегда влагает в своих героев собственные мысли и рассуждения. Через Ланни Бэдда, к[ото]рый уже не думает о борьбе с капитализмом, Эптон Синклер идёт к оправданию назревающего предательства.

28 июня.

Интереснейшие дела творятся «*na bia ł em ś wieście*». Корея, великая и многострадальная. . .

Жёлтые «красные» за последнее время усиливают удары.

У них много нового.

Китайцы в синих ватниках и меховых шапках дерутся рядом с корейскими братьями. Через Маньчжурию, из-за Ялу, широким потоком идёт китайская помощь: оборудование, боеприпасы, амуниция. На ящиках китайские иероглифы, оружие сделано по китайскому образцу. Но это — не китайская продукция. Это идёт из более прохладных краев, из городов Д[альнего]. В[остока].

За последнее время усилилась борьба с бомбардировками, участились случаи гибели бомбардировщиков. Каждые сутки приходят известия о гибели то 8, то 10 самолетов США. В сообщениях с недавнего времени стали фигурировать «стрелки-истребители самолётов».

В чём же дело? — Оказывается, недавно у корейцев появились необыкновенные зенитные орудия, у которых убойная дальность полета снаряда превышает потолок любого американского самолета. Этих орудий очень немного, они строго засекречены, их поручают отдельным выдающимся личностям; в случае окружения или плена стрелкам достаточно привести в действие небольшой механизм, чтобы взлететь на воздух вместе с орудием. — У корейцев есть огнемёты, бьющие на 200–300 метров конденсированным бензином (кажется, это и есть то, что янки называют напалмом); в их пламени может расплавляться металл. Говорят, что это горючее применялось в смеси с термитом в гранатах нашей «катюши». — Корейцы вооружились совершенно небывалой береговой артиллерией. При блокаде одного корейского порта (кажется, Вонсана) из полукольца американских кораблей, стоявших в 70 км от порта, вышли 2 крейсера и приблизились километров на 45 к порту. Тотчас заговорила береговая артиллерия: сразу же, без всякой пристрелки, она нанесла прямое попадание. Крейсера затонули. . . -Корейцы проводят замечательные ночные бомбардировки. Ночью 21 июня северокорейцы разбомбили железнодорожную станцию Сеула-Енсан. Енсан запылал, начали рваться склады. Не так давно ночью налетели на очень сильно защищенный аэродром в Суване; ни радары, ни звукоуловители не помогли — десяток американских самолетов сгорело на земле.

Сталинские слова о неизбежной победе освободительной войны корейского народа сбываются. Когда Малик произнёс свою речь о мирном урегулировании корейской проблемы, её через сутки узнали сражающиеся в Корее. Мощные громкоговорители по ночам передают на английском языке полезные для американцев и англичан вещи. Точно таким образом, янки (джиай) и англичане (томми) услышали речь Малика. Мгновенно по всем фронтам вспыхнули огромные стихийные митинги бледнолицых солдат: «На что нам нужна Корея? Это паршивая война! За что мы проливаем кровь? Заключить мир! Домой, к бабам! ест . . . »

И через полсутки перепуганный президент Трумэн, воочию увидевший призрак коммунизма, выступил с заявлением, выразившим согласие на предложения Малика.

Rot front! Сталин ваньсуй! La paix vaincra la guerre! Avanti, popolos! Bandera rossa!

А ргорос: Вчера я ездил опять в лагерь. Женьки и Гальки там нет. Кажется, они отдыхают в Алкино. Женичку мы с Гебой сегодня встретили на улице Карла Маркса. Сегодня в 9 ч. начинается концерт Сергея Гурзо в Оперном. Мы уже взяли билеты. Виретта, наверно, будет там.

29 июня. Виретты не было. Видел С. Гурзо — симпатичный молодой человек лет 25, в сером костюме, хорошие манеры, держится просто. Было процентов на 70 женщин и девчат. В общем концерт халтуроватенький, Гурзо в нём занял maximum 1/3 программы.

В Москву приехал (через Румынию) Назым Хикмет. Его встречали Николай Тихонов, Конст[антин]. Симонов, Самуил Маршак и прочие. А ргорос: в нынешних турках очень мало от жёлтой расы: её уже перебила индо-европейская струя, расовая примесь греков, славян, арабов и др. Назым Хикмет — человек совершенно европейского типа. Между прочим, я тоже мало похож на монголоида, хотя по американским понятиям я метис, цветной, во мне 50

30 июня. Гип-гип. Ура. Трумэн одобрил инструкцию для мирных переговоров Риджуэю. Риджуэй выступил по радио и предложил вести переговоры на датском госпитальном судне в Вонсане. Условия: прекращение огня и разведение по обе стороны 38-й параллели. Интересно, что у них выйдет.

1 июля. Опять ездил в лагерь, в третий раз. Хорошо провёл время, искупался в Уфимке, девочки были на «о-кэй» (из 3-й школы): Бася (2-й разряд по волейболу и баскетболу), к ней равнодушен Валя Труевцев, Люся Дружинина и Тамара, очень хорошенькая. Весь день я проверял, не «фальшивая» ли коса у Люси и дёргал её за сию косу, весьма довольно длинную, русую и толстую. Девочка сия отменно недурна, особенно в купальнике. Посмотрели в клубе фильм «Волочаевские дни» (1937 г.), и Геба (это я его вытащил) много играл в бильярд и волейбол.

Ещё в прошлое посещение я открыл в лагере прелестную девушку, очень похожую на Э. Б., но как-то стройнее и словно моложе. Эта девушка в соломенной шляпе, в белом платье. У неё только в отличие от Виретты тёмные глаза. Нос такой же конфигурации, но крупнее. В общем, не так красива, как Ретта, но симпатичнее и милевиднее.

2 июля. Да, забыл записать. Вчера вечером, вернувшись из лагеря, встретил на Ленина Виретту, прошёл нос к носу, неопределенно улыбаясь, и не поздоровался. С Гебой она обменялась приветствиями.

4 июля. Среда. Американские монополии испугались бунта в своих войсках (в Корее уже были солдатские мятежи). Начинаются переговоры, договариваются о месте и времени встречи (собираются на 38-

й параллели в районе Кэсона). Вероятно, американские империалисты просто хотят обмануть общественное мнение мира, сорвать переговоры, свалив ответственность на корейцев и китайцев. Посмотрим, что получится. . .

В понедельник я видел Ретту. Взаимно чихали друг на друга. Ладно! Так держать! All right!

6 июля. Виретта закручивает с одним приезжим парнем, выпускником военно-морского училища. Дай ей бог блаженства!

В Чикаго закончился очень интересный и большой конгресс мира. Приговор над 11-ю лидерами компартии приведён в исполнение. Жертвам гнусного процесса на Фоли-сквер приказали явиться в суд. Семеро явились; на них надели кандалы и отправили в тюрьму. В федеральной тюрьме в Нью-Йорке после утреннего заседания 2 июля сидит Юджин Деннис и его шесть друзей. Один из них — Джек Стакхель — страдает тяжелым сердечным заболеванием; прокурор Сейпол цинично заявил, что тюрьма — сильнейшее лечебное средство против болезни сердца.

Четверо руководителей компартии (Гэс Холл, Джильберт Грин, Генри Уинстон и Роберт Томпсон) не явились в суд. Их местопребывание неизвестно. Министр юстиции Макграт пообещал тем, кто будет помогать четырём нелегальным вождям, суд, 1.000 долларов штрафа и 6 месяцев тюрьмы. Со 2 июля агенты ФБР ринулись на розыски. Кажется, что строки газетных сообщений перепечатаны со страниц «Железной пяты» (так сильна и верна была фантазия Джека Лондона).

7 июля. Мне захотелось поговорить о романтике. Говорят, что романтика умерла. Как это неверно! Умер романтизм, но вечно живёт романтика. По-моему, социалистический реализм тем и отличается от критического реализма, что он воодушевлён романтикой.

Я лично сделал для себя приятным изучение гуманитарных наук именно путём романтизации. Изучая историю древнего Египта, я с восторгом читал величавые описания дворцов, пустынь, пирамид, храмов, разливов Нила, битв и восстаний. Я прочёл «Фараон» Болеслава Пруса, «Каменотёс Нугри» Милия Езерского, «В стране пирамид», позже научное исследование о древнем Египте. Не скрою, вначале меня интересовала внешняя, показная, картинная сторона египетской древности: сфинксы, боевые колесницы, колоссальные статуи, лабиринт, пирамиды, ручные львы, лотосы и папирусы, железо дороже золота, золото красного цвета, тайны жрецов, саркофаги с мумиями — как это всё красиво и увлекательно! Но позже я перечёл и пережил иное: смертельный труд египтян, тысячи умирающих в кровавом поту рабов; великие пирамиды построены на костях египтян; ремесленники, трудолюбивые, необыкновенно умелые, замечательно искусные; оросительные сооружения, каналы, крестьяне за сошкой, писцы, собирающие налоги с помощью негров с дубьем — и над всем этим новая романтика, «багровый жасмин» народных восстаний и войн.

Одной из первых книг моего детства был «Всадник без головы». Я в те времена представлял себе романтическую Америку только как Америку бизонов, скальпов, гуронов, команчей, делавэров, засад, кровавых стычек, девственных лесов и прерий, индейский хитростей и отважных колонизаторов. Как я злился, узнавая, что леса вырублены, прерии распаханы стальными плугами, индейцы перебиты, а мустангеры превратились в пастухов-ковбоев.

Но Брет-Гарт и Джек Лондон принесли мне другую романтику, я увидел воочию золотую лихорадку, убийства из-за самородка, ледяные ночи Юкона, прелесть Джой Гастелль, бешеные гонки на собаках, долгие переезды дилижанса, где на козлах у Юбы Билля рядом с кнутом лежал винчестер, счастье Ревущего стана, изгоев Покер-Флэта... Я и сейчас люблю этих всех добрых, простых и мужественных американцев. Я всё ещё мечтаю достать и прочесть «Габриэль Конрой».

Но только недавно ко мне пришла истинная романтика американской истории.

Это Гервей Бирч, скромный и незаметный герой, это битвы, в которых Вашингтон, Лафайет, Костюшко и Сен-Симон идут под одними знамёнами, это священник Нат Тарнер и его двадцать чёрных братьев, это, наконец, Джон Браун! Да, да, славный, прекрасный старик. John Brown из Канзаса! Как я люблю его!

Это он первый из американских переселенцев-колонистов прибил к дереву дощечку с примерно такой надписью: «Я, Джон Браун, владею этой землей. Захватчиков пристрелю на месте». Этот могучий, как вековой дуб, человек, окружённый молодыми дубками-сыновьями, хотел освободить негров, хотел принести счастье в тёмную хижину дяди Тома. Я навсегда запомнил кровь Харперс-Ферри, Джона Брауна на эшафоте. Славно умер гордый железный старик. Потерявший всех своих сыновей в борьбе за освобождение негров, он не дрогнул перед казнью, не дал завязать глаз и сам ступил в люк, чтобы умереть в петле.

Потом был прямой и честный Эйби Ликольн — один из самых красивых людей в истории США, были битвы, сваленные телеграфные столбы, поставленные на колени плантаторы. Шерман, сдвинувший клочковатые брови, грозный гимн («Спит Джон Браун в могиле сырой, но память о нём ведёт нас в бой»), Улисс Грант, колумбиады балтиморского Пушечного клуба, Импи Барбикен, Мاستон с крючком вместо руки и каучуковой заплаткой на черепке, огромные пушки северян, бой «Мерри-мака» с «Монитором», рабочие полки, статьи Маркса и Чернышевского в Европе. Вот это романтика!

Была романтика Луи Буссенара, отважные миллионерши, серебряные и нефтяные короли, ковбой с оправленными в серебро револьверами, знаменитый Pennyless, путешествующий по прериям без гроша в кармане, нефтяные «озёра» и «колодцы» (бог ты мой!).

Был О'Генри, описавший молчание великого города, его мрачную

и безрадостную жизнь, погону за деньгами, отчаянную борьбу за существование маленьких людей.

Но самая свежая и яркая романтика — это теперешняя Америка, с титанической борьбой пролетариата, с забастовками и пикетами. Рычит Медина, линчуют клановцы, на Фоли-сквер судят билль о правах, штрейк-брехеры стреляют из револьверов в пикеты, полисмэны в синих мундирах поднимают свои резиновые дубинки, герои-коммунисты идут в наручниках в тюрьму, и по всей стране шпики Эдгара Гувера выслеживают четырёх вождей, ушедших в подполье. В Коре митингуют солдаты: домой, домой! В Чикаго с трибуны конгресса американцы требуют мира, и белый голубь расправляет крылья на чёрной ладони Поля Робсона. Борьба, наслаждение, романтика! После грандиозных послевоенных стачек фашисты провели закон Тафта-Хартли, начался полицейский террор, всё живое душат и гонят. . . Но погодите — дождусь я ещё революции в Чикаго и Нью-Йорке.

Вот она, романтика наших дней. Она в борьбе рабочего класса и крестьян всего мира.

9 июля. Вчера в пятый раз был в лагере. Муза, Галя Щукина, Люська Дружинина. . . В городе вечером Юра Кувыкин поставил мне 100 грамм, так что это было вроде праздника. Я долго гулял, хорошо поговорил с Сашей Руденко.

Моряка Виретты зовут Игорь Садовников.

Интересные сведения: в Казани на 25-м заводе делают советские «Летающие крепости», — многомоторные бомбардировщики, как из официально называют. У нас в Уфе делают авиационные моторы (26-й завод).

Из-за плохой погоды празднование дня авиации было перенесено на вчерашнее воскресенье. В лагере я немного послушал репортаж с Тушинского аэродрома. Истребители конструкции Микояна, высший пилотаж на высших курсах, реактивные самолеты, которые оставляют тонкий свист и рёв разрезанного воздуха далеко позади себя, обгоняют звук.

Феликс приезжает в конце июля.

10 июля. 8 июля в районе Кэсона на тридцать восьмой параллели начались предварительные переговоры, с 'est à dire переговоры о переговорах. В 8.22 по местному времени к северо-западу от Кэсона приземлился вертолет (в израненной бомбами Коре, где нет ни одной целой автострады, ни посадочной площадки, вертолет — лучшее средство передвижения), в котором прилетели американские офицеры и переводчик. На окраине Кэсона американцы встретились с тремя офицерами связи, посланными генералом Ким Ир-сеном и генералом Пын Дэ-хуэем (командующий китайскими добровольцами). После полудня переговоры успешно завершились.

Сегодня начинаются переговоры о прекращении огня в Коре. Продолжаются бои местного значения.

Скорее бы кончилась эта страшная война!

У нас начался ремонт, в доме страшный разгром — «как Мамай воевал». Не знаю, смогу ли завтра съездить в лагерь.

16 июля. Ремонт кончен, блестят выкрашенные маслом панели, блестит пол, новая печь радует взгляд. Ещё не всё приведено в порядок, но я уже получил возможность выходить из дома. За всю прошлую неделю ни разу не вырвался в лагерь, съездил только вчера в воскресенье. После лагеря (à propos, я уехал из лагеря, когда приехала Женька) я помог маме в возрождении нашей доремонтной жизни, и часика через три после своего возвращения я отправился гулять.

Славно провёл я вчера время.

Нарика я дома не застал: он пошёл в кино с Аликом Глезером. У Юрки Веницкого и Вилорьки никого не оказалось дома. Я вышел на улицу и рванул к Ефиму Бугаю, знакомому студенту. Я взял у него хорошую книгу «Повесть о двух городах» Диккенса. Мы завернули старую заслуженную книгу в газетину и вышли на Ленина. Шлялись, мотались туды и сюды. Около половины одиннадцатого на Ленина появились двое девочек. Одна была в красной блузке, белой юбке, на полуобнажённой руке часики, красивая голова на гордой шее, чёрные босоножки на сильных ногах спортсменки; другая была меньше ростом, тоньше, в белом. Первая девушка была Эльвира Берлявская, вторая — её наперсница Ляля Еникеева.

Мы прошли мимо. Фима поздоровался. Затем он вдруг решил присоединиться к этой паре. Я последовал за ним и полчаса бродил молча с ним рядом, всем своим видом выражая оскорбительное равнодушие к Виретте. Постепенно я начал вставлять отдельные словечки в их беседу. С нами был небольшого роста юноша, студент с белёсыми волосами, ровесник Фимы, талантливый пианист Шамиль Хабибуллин. Он без памяти влюблён в Виретту. Я её любил так же безрассудно, когда не знал, что она из себя представляет. Сейчас я знаю её цену и владею собой. Нужно любить людей такими, как они есть, исправляю в них дурное и предоставляя им исправлять дурное в себе самом. Эта взаимная обработка производится просто — общезитием. Плодами общезития является и работа человека над самим собой. В результате всякой совместной жизни человек непрерывно совершенствуется. Но я отвлёкся. Повторяю: нужно любить людей каковы они суть.

Я не охладел к Виретте, хотя в ней много дурного. Но я слишком много думал о ней и решил, что нужно подчинить сердце разуму.

Итак, мы гуляли впятером, и я начал понемногу принимать участие в разговоре. Проводили Лялю (она живёт на расстоянии полутора кварталов от меня). Пошли обратно к улице Ленина; справа от Эльвиры Шамиль, слева мы. Шамиль выразил каким-то образом (я уже не помню) неуважение к моей личности. Я обрушился на него потоком насмешек, я резко отбрил его, и он после этого почти не разговаривал: такой сокрушительный ответ я дал его ничем не вызванной дерзости.

Ну, ладно. Я вступил на арену. Мне было немного жалко Шамиля, и я несколько раз предложил Фиме отшиться, и оставить их вдвоём. Мне было ясно, что Шамиль — неопасный соперник: он слишком любит Виретту. Но Фимка не хотел совершать благородный поступок. Потом мы подошли к воротам парка Матросова: Фимке захотелось пить. Шамиль отошёл в сторону, он был зол, удручён, его терзала ревность к нам (мы монополизировали разговор с Реттой). Ретта, уже несколько раз заговаривавшая со мной, вдруг прямо (как будто между нами ничего не было) обратилась ко мне: «Что это у тебя за книга?» Взяла её, развернула, завернула, мы говорили о книге и о многом другом. Красота, кто понимает! Из очереди вынырнул, вытирая губы, Фима: уж не помню к чему, он сказал, что я всё время его уговаривал оставить Эльвиру вдвоём с Шамилем. Она улыбнулась и поглядела на меня. Я притворился смущённым и упрекнул Фимку в болтливости. О, это было замечательно! Наконец-то она поняла, что я человек сильный и независимый. Девушки ценят людей, которые не теряют из-за них голову.

Пошли дальше. Я разговаривал с Виреттой, по временам надолго умолкал: дескать, я не так уж нуждаюсь в вашей беседе, словом, держался независимо. Шамиль молчал, как убитый. На углу ул. Ленина и ул. Сталина решили пойти к Виретте. Мы отправились в их двор, зашли в садик, сели на скамью под молодыми деревцами и сидели не меньше часа. Разговаривали до бесконечности. Шамиль сорвал стебелёк с белыми цветами, преподнёс его, заикаясь, Эльвире, что-то сказал о символе невинности. Фима оказался умнее всех, он решил воткнуть его в волосы Эльвиретты, но я решил не отставать, отнял цветок, доказывая ему что он вкалывает неверно, сам начал прикреплять; наконец, он забрал и воткнул его над виском. До какой наглости я дошёл! Удивляюсь сам себе: год назад я не заметил бы Виретту, полгола назад я на неё молился, теперь не без удовольствия прикасаюсь к её локтю или голове.

Шамиль был мрачен и скоро ушёл. Мы с Фимой ушли во втором часу. Прекрасно! Я не только примирился с «Эльзевирой» (глупая шутка, это девочка отнюдь не карманного издания), не только держусь, как ни в чём не бывало, я зашёл в отношениях с ней дальше, чем когда бы то ни было.

Alles in Ordnung! All right! Fout est très bien! Ça ira, aristos à la lanterne!

На-днях в Шербур заходил в гости знаменитый линкор «Миссури», недавно засыпавший смертью поля Кореи.

Переговоры в Корее продолжаются, несмотря на затруднения, чинимые американцами. Вокруг нейтральной зоны (район Кэсона) рвутся бомбы и снаряды, свищут пули, льётся кровь. В Кэсоне идут переговоры, являющиеся лучом надежды для одной стороны и лживой маской — для другой. Янки хотят сорвать переговоры. Не знаю, что у них выйдет. Мир смотрит на Кэсон. Кэсон в тумане.

19 июля. Вчера было закрытие первой смены комсомольского лаге-

ря. Я поехал ещё утром. После полдника должен был состояться концерт на открытой эстраде, но разразилась летняя славная гроза, собравшаяся публика ринулась в клуб. В клубе посидели, потом потанцевали. После ужина была художественная самодеятельность, потом опять были танцы. Получился настоящий вечер, только танцы под баян, но ничего. Был вальс, чардаш, полька, танго, фокс. Я, к сожалению, танцую лишь два последних. Процветала «почта амура». Мне послали сначала записку: «Почему все мальчики из 11-й школы такие серьезные, даже не улыбнётесь». Я потанцевал, попотел в духотище, пока меня не осенила блестящая по глупости идея. Я послал Гальке Щукиной (№ 38) следующую эпистола: «Галька! Двое наших ребят в тебя врезались, а я - нет. Твой незнакомый». Не знаю, как она узнала, что я писал. Ответ был достоин моей записки: «Рома! Не теряй голову... учись, учись танцевать, получается». Впрочем, я также не без труда ответил бы на свою ужасную записку.

Алевтина Володарская — прелестная блондинка с тёмными глазами; это небольшая девочка (перешла в девятый класс) похожа на маленькую женщину; у неё совершенно взрослые манеры, походка, всё поведение и поступки. Но я сравнивал эту хорошенькую миниатюрную теннисистку с Галей Щукиной — рослой, жгучей брюнеткой. У Гали сочные полные губы, красивые и чувственные, которые часто приоткрываются в ослепительной белозубой улыбке; тогда её чёрные, живые, большие глаза слегка жмурятся; маленький шрам на переносице придаёт ей, её улыбке особенно томный, лукавый, любовный вид. В лагере она очень поправилась, тело её развилось, сформировалась, а между тем она 1935 года рождения. Я сравниваю эту бронзовокожую креолку с прохладной белокурой девочкой из 3-й школы. Первая — вся открытая, живёт, как пламя на ветру, порыв и чувство. Вторая — симпатична, красива, её тёмные глаза хранят какие-то девичьи тайны, но с ней всё будущее видно, как на ладони: она войдёт в жизнь, опираясь на твёрдую руку друга и спокойно минует её бурные водовороты. Первая девушка бросится в омут жизни вниз головой и поплывёт среди разбушевавшихся стихий, руководясь лишь своим горячим сердцем. Быть может, она утонет, но нет! Ей помогут — хотя бы против её воли. И её жизнь будет полна мук и наслаждений, труда и борьбы. С такою девушкой хорошо было бы руку об руку броситься в омут жизни, но нужно уметь плавать. Глаза Аллы таинственно манят: «О-о, со мной будет хорошо...» Глаза Галины сулят, зовут: «Со мной будет хорошо!» И обе правы. Только одна будет согревать, другая — воспламенять... некоторая разница. С Аллочкой можно свить тёплое гнёздышко, с Галькой — вместе сгореть. У неё темперамент революционерки, героини. Славная девчонка! Впрочем, это, пожалуй, не для меня.

Сегодня или завтра приезжает Герка из Златоуста, скоро Феликс, с Виреттой я помирился, с Галькой практически знаком, с Аллочкой

на грани знакомства, с Женичкой на грани знакомства, с Г. К.- в рбзругах, да к тому же она в Гурзуфе. Прочёл «Повесть о двух города» Диккенса. Тяжёловато её читать. . . Мутная, злобная, совершенно неверная, слепо реакционная книга. Большая ошибка Диккенса. Книгу я брал у Фимки Бугая. Я теперь и с ним знаком очень коротко.

Сегодня возьму «Король-уголь» у Вити Торопчика, что-нибудь у Фимы etc. Живу!

Я могу сказать с полным правом: «Скорее я умру, ни разу не изведав в жизни женской ласки, но ни для какой красоты не унижу своё человеческое достоинство». С этой заповедью я ничего не боюсь.

19 июня. [19/20 июля?] Богатый день. Я пошёл к Фиме, чтобы отдать ему «Повесть о двух городах». У него я отбирал себе книжечки, когда вошла Виретта. Какая она красивая! Во мне пробуждается бывшее чувство к ней. Милая, милая девочка, никто не понимает её так, как я, никто не чувствует так её поэзию. Она несколько похожа на меня своей печальной любовью к себе. . . Не нужно Так любить себя.

В третьем часу мы трое уже плыли по сияющей живой равнине реки, переплываясь через Белую. Эльвиретта сидела на корме, я взглядами пел ей изумительные по красоте гимны, природа яростно жила, солнце сверкало над голубой рекой; с одной стороны была зелёная кромка левого берега, с другой — невысокие известковые горы, на них здания Уфы. Мы искупались на Дёме. . . Я сейчас так печально и любовно настроен, что не могу описать реально то, что было, но нет — взглянем правде в глаза! Виретта после купания километра три шла без платья, в трусах и лифчике, стараясь быть на виду, на высоте берега. У неё красивые ноги, белые, довольно стройные, с небольшими ступнями, с пышными бедрами. У неё полностью сформировавшееся тело, мягкие гибкие руки с маленькими кистями, на которых хочется перецеловать каждый палец; темно- каштановые волосы, угольные брови, светло-голубые глаза, прелестный носик, чуть-чуть вздёрнутый, очень славный небольшой рот, чудный овал лица. Она забросила косы («корзинка») на голову, накинула на плечи жёлтую кофту и сзади была чуть похожа на мальчика. Потом она скинула кофту, чи это не кофта — нечто жёлтое и шёлковое.

Мне славно было с Ретгой; Фимку она похлёстывала прутиком, хлопнула два раза меня, я был счастлив (и дураки же люди!) Девушка-мечта. . . была бы. Она, действительно, несколько толста. Тугой бюстгальтер так врезывается в пышное тело, что по сторонам от него оно выступает рельефом. Просто жалко, что она так . . . жирновата. Славная, милая девчонка, но несколько захапанная. Она привыкла к тому, что юноши смотрят на неё с жадным восхищением, она привыкла к тому, чтобы её трогали руками. Фимка опять втыкал ей в голову цветочек, я закалывал ей булавкой порванное подмышкой платье и опять прикасался к её нежному телу. На обратном пути в лодке я сидел на одной скамье с нею, скамья была коротка, мы были близки друг к другу.

20 июля. Продолжаю рассказ.

Когда мы поднимались в гору после возвращения, Виретта изнемогла — она слишком тяжелая, ей было жарко. Мы вышли на улицу Карла Маркса. Эльвиретта, когда мы расходились, попросила Фимку притащить ей «сегодня» Лёвку Митюгова (à propos, Гога уже уехал в Севастополь). Впрочем, он у неё вечером не был, он был в кино.

Во мне не прекращается чувство нежности к Виретте. Я дал ей почувствовать свою независимость, чорт возьми!

На Дёме она попросила принести ей воды. Я ей ответил, что у берега вода грязная, а чтобы зайти на середину, нужно опять мокнуть, а я только что высох — словом, я коротко, вежливо и решительно отказался: нельзя ей потакать во всём.

Вечером я узнал, что Геба приехал ещё «вчера» (т.е. теперь позавчера, в среду 18-го). Я узнал, что он взял билет на 9-часовой сеанс; а в 9 часов сеанс начинается только в кино имени Матросова. К концу сеанса я был у кинотеатра; здесь я встретил одного студента, кончившего школу (нашу № 11) вместе с Гебой. Мы сразу узнали друг друга. В этот момент подошли трое: Фимка, Виретта и приехавший из Москвы студент Матвеев (из Института международных отношений), тоже бывший геркин однокашник, юноша в золотых очках. Он тоже хорошо знал меня. — «А, старый знакомый!» — сказал он, пожимая мне руку. Он сообщил, что голос у меня сильно изменился, а сам я - нет. Виретта молча наблюдала эту сцену.

Вдруг Прытин (так звали первого студента) сообщил мне, что зрительный зал пуст; 9-ти часовой сеанс давно кончился. Я помянул врага, вышел вон и направился на улицу Ленина; я прошёл по ней два раза, два раза встретив Женьку в толпе девчат. Женька вызывающе смеялась при моем появлении.

Наконец, я увидел Витьку и Гебу (у Витьки Торопчина я вчера взял «Король уголь»). Они остановились на углу ул. Ленина и ул. Сталина; я подошёл, треснул Гебу по спине, он обернулся и от испуга и злобы двинул два раза меня в солнечное сплетение. Герка и Витя распрощались, мы с Гебой пошли домой. Он рассказал, что на фильм «Судьба балерины» он опоздал: играл в волейбол на стадионе «Динамо». Около пяти часов он просидел вчера (т.е. в четверг, 19) у Женьки, много с ней разговаривали, Женька с ним кокетничала. Он говорил в защиту Витьки, пока Женька не пригрозила швырнуть в него двумя огромными подушками. Зашла речь обо мне; Женька сказала, что это просто шпион, что он (т.е. я) всегда на вечерах глаз с неё не сводит, словно гипнотизирует. Она едет в лагерь для старших на 2-ю смену, пригласила Герку приезжать. «Только Ромку не бери с собой».

Я ей это припомню.

Между прочим, я уже собирался простить её.

21 июля. Читаю «Король уголь». Типичный синклеровский сюжет:

молодой интеллигент, человек высшего класса, спускается в низы. Хол Уорнер становится шахтёром, участвует в борьбе горняков. Идеи классовой ненависти, борьбы, рабочей солидарности, идеи социализма. Реализм его местами достигает огромных высот: в книге, как в жизни, герой может пасть в любую минуту. Сердце замирает, когда Хол, набросив чужое пальто и котелок, бежит по улице тёмной ночью, а вслед ему летят пули слуг Компании. Радость охватывает, когда рабочие начинают мятеж: Изумительный диалог, есть фразы, которые кажутся невыдуманными. Например, Питер Харриган, «король-уголь», главарь, атаман «Всеобщей топливной компании», властелин штата, говорит: «Я большой любитель дивиденда». Надзиратель Алек Стон говорит после взрыва шахты № 1, о шахте № 2, который грозит удушью: «Чорт с ними, с людьми, сначала спасайте мулов!» Из шахты № 1 через 4 дня после взрыва извлекают мёртвых, раненых, живых. Шахтёрка, мать 11 детей, рвется в сарай с трупами, слуга Компании Пит Хэнем выбивает её ударом в грудь. «Я хочу взять мужа!» — кричит она. «Что ты от него хочешь? Он обратился в мелкие куски!» — «Я хочу взять эти куски!» — «Зачем они тебе? Есть ты их, что ли, будешь?»

И этот человек стал врагом Советского Союза? Да что же там было? — Испугался борьбы, потому что у его социализма не было прочной основы. Социалист чувства — ну, вот он и пришёл к своему финишу.

Читаю дальше.

Сто тысяч чертей! Сто секстиллионов чёрных чертей!

О, подлость, о, гнусность! Измена! Нас предали!

Книга обрывается на 188 странице. Нет конца. Последние строки — разговор в Норт-Вале Эдуарда С. Уорнера младшего, шахтовладельца, и его младшего брата Хола Уорнера, шахтёра на конях Харригана. Самый острый момент: Эдуард тащит брата к автолюбителю, Хол колеблется.

«Хол понял, что он должен доказать свою решимость итти до конца».

24 июля. Часа не прошло, как я вернулся из лагеря, куда ездил с Гебой и Витей. День был богат для меня. Я сидел около часика (или меньше?) на террасе с Витькой, Женькой и Гебой. Женька понемногу заговаривала со мной, и незаметно мы стали обращаться друг к другу. Я не выразил ей пламенной привязки: не за что ей. Речь зашла о книге Голсуорси «Сказание о Форсайтах», как назвал её Витя. Женька его поправила: «Сага». Мы ей указали, что это всё равно. Она протянула с видом сомнения: «Не знаю». Я ответил: «Все порядочные люди это знают». Ребята хохочут, Женька зарумянилась и говорит: «Буду знать».

... Однако, пора бай-бай. Я не выспался сегодня. Допишу потом.

25 июля. Мама сегодня уезжает на три дня в командировку. . .

Да, я вчера немного испортил Женичке настроение. А прогос, в воскресенье (22-го) я был в лагере и по небрежности и глупости вырезал на одной скамейке заветный вензель: «Э» да «Б». Женька увидела меня

за этой работой и позже, когда меня не было, осмотрела скамью; теперь она знает мою симпатию. *Perseus!*

Её осведомленность обнаружилась в разговоре. Но всё же моё подчёркнуто насмешливое и неприязненное отношение поразило её (а за что ей было ожидать лучшего?) На мою реплику о порядочных людях она ответила: «Буду знать... Теперь очередь за мной». Но ничего сильного она сказать не могла. Когда мы сидели на террасе, шёл дождь (под предлогом его мы и вошли в дачу). Я, чувствуя, что несколько снизил их настроение, сказал по поводу какого-то её замечания: «Что ж, я могу уйти. Прикажите — и я уберусь». — «Не требуется», — ответила она, а я добавил: «Мне немного здесь нужно.» Витька говорит, что она, в конце концов, чуть не расплакалась.

Быть может, в следующий раз отнестись к ней мягче? Но вряд ли она пойдет на смягчение отношений.

Довольно о Женке!

В доме отдыха проживает Эльвира. Я вчера долго был с ней, в обществе её подруги Люси, её воздыхателя — нефтяного студента и Гебы. Геба сфотографировал нас четверых: я сидел бок-о-бок с Виреттой; потом девочек вдвоём. Мне обеспечены снимочки. В общей сложности я провел с Реттой часа три; она угостила нас смородиной; мы играли в вопросы и ответы, в города. Ретта пыталась поймать меня на глупом вопросе: «Чем прославились братья Зразы?» Ой, смешная девчонка! Ретта недурна, очень недурна, но я к ней охлаждаю: ум её — не очень бездонен, не слишком гениален. Я хочу чего-нибудь другого. Женка?

Со временем, *mes amis!* Со временем.

Феликс, может быть, уже приехал.

С Галей Щукиной и Женичкой я уже знаком. Как быстро я изменился! Прошло восемь месяцев с половиною с того дня, когда я влюбился в Виретту. Теперь я уж не тот! Я стал твёрже, во мне прибавилось упорство, воля к борьбе, любовь к жизни. Много светлых часов, много черных минут испытала моя душа, но огонь и холод закаляют булат. Немножко больше характера дали мне эти восемь минут жизни: жизнь все время работает над человеческим характером, но есть периоды, в которые эта работа усиливается. Хорошо! Я живу.

— Но ведь в Корее льётся кровь.

Моссадик показал свое истинное лицо. Он национализировал АИНК в интересах американских монополий. Сейчас Гарриман вершит судьбы иранской нефти; когда же иранцы требуют, чтобы Гарриман убирался вон, «а ж а н ы» стреляют в народ. Кровь иранцев оросила одежду премьера. Его имя заклеят потомки и впишут коричневыми буквами в скрижали истории.

В Америке ничего не произошло. Будничная, привычная, одинокая борьба передовых людей. . . .

28 июля. Вчера был безумный день (но не Женитьба Фигаро). Почти

весь день я валялся дома, читал, почти не ел, в столовку не ходил. Вечерком сосед Александр Алексеевич принёс в кармане бутылочку водки. У него склероз мозговых сосудов, к тому же он вчера «обедал» в ресторане, и я получил львиную долю чикушки- грамм двести. Алкоголь совершенно не затуманивает моего сознания, я с любопытством наблюдал его действие на организм: легкое опьянение, слабость в соединении с живостью, беспричинное веселье, жизнерадостность. . . Тьфу, чорт! На какого дьявола я пишу об этом?

Я в 9-м часу пошёл к Алику Глезеру: он в Оперном. Я к Нарикуну: он в Оперном (вчера) Лисицман пел в «Фаусте»). Я пошёл на ул. Ленина, с неё — Геба. Геба на стадион — я к нему на стадион. Перед этим я успел зайти к Беркутовым. Спрашиваю: «Феликс скоро приедет?» — «Феликс?» — «Да». — «Он уже дня 3–4 в городе». Меня как обухом погладило! Как только Геба доиграл свою встречу в волейбол, надел брюки и куртку, мы пошли к Беркутовым. Фельки не было. Тот же самый дядя сказал, что Фелька в театре, ясно, что в Оперном. Пришли мы с Гебой на ул. Ленина, постояли, поговорили — он с знакомыми девочками, я со Стасиком Суццевским. Я проводил Герулю до дома, мы посидели с ним на скамеечке, потом я пошёл к Оперному. Ещё не было 12 часов, кончалось последнее действие. Я решил подождать. Вдруг грянули рукоплескания, начали выходить люди. Я думал конец, но позже оказалось, что это антракт и люди выходили подышать свежим воздухом. Я простодушно решил, что *somoedia finita est*, и пошёл напролом. Контролёрша: «Ваш билет?» — «Какой билет? — говорю с возмущением (вот формалисты!). -Ведь уже кончилось. У меня тут товарищ! е tc». Она что-то сказала насчёт того, что всё-таки так нельзя, но я не слушал и шёл дальше. Люди прогуливались в фойе, и только тут я понял, до какой наглости я дошёл. Поручковался с нашими ребятами, спрашиваю: «Фелька здесь?» — «Здесь, в партере сидит». Вхожу в зал, вижу Вовку М. с Танюшей Ш.; Вовка начинает веселить Таню на мой счет, но все же указывает мне, где увидеть, где найти. . . Поднимаюсь по залу, и вот желанная минута — жму руку Феликса.

Он не изменился, только стал здоровее: занятия легкой атлетикой, плавание, бег etc. Мы досидели с ним конец «Фауста» и проговорили всю «Вальпургиеву ночь». Я рассказывал ему о своих делах, он о своих. Вовка ему уже чего-то наговорил обо мне. Плюю на Вовку: что он мне может сделать? Мой дух сильнее его. Фелька рассказал немного о своей Рэнальде, она оказалась, действительно, «шлюхой»: несмотря на то, что они целовались, она ему сказала: «Другие ребята смелее». За ней увивались рои трутней, всякие-разные летчики, и Феликс предоставил ей потерять девственность с кем-нибудь другим. Про Женю Феликс сказал, что она «дурочка,» ею. он ни крошки не интересуется. А прогос, по другую сторону от Феликса сидела Нэлька Юсупова и еще какая-то девочка. Нэлька совершенно внезапно обратилась ко мне: «Рома, ка-

кая из двух тебе больше нравится?» Здравствуйте, я ваша тетя! Раньше не здоровались, а теперь!

Я указал на ту фотокарточку Лисициана, которую она держала в руке.

После спектакля Феликс пошёл их провожать, мы уговорились, что он придёт ко мне сегодня в 3 часа. Кончать школу он всё же собирается в Ульяновске: чорт знает, почему, какие-то материальные условия — вот не думал, что у Чернухи могут препятствия материального характера! Жаль! Может быть, это ещё удастся изменить?

Феликс обещал мне помочь. У меня идея: сходить в кино с Феликсом и Виреттой.